

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 95, июль - август 2022

ВОЙНА В ЕВРОПЕ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

В статье "О поражении своего правительства в империалистской войне", написанной в июле 1915 года, Ленин рассматривает те идеологические волны, которые в войне охватывают массы, преобразуя их коллективную психологию. Предпосылкой является отстаивание революционного пораженчества: «Революционный класс в реакционной войне не может не желать поражения своему правительству»¹. Полемика направлена против центристского лозунга «ни побед, ни поражений»².

Война ведёт к перевороту социальной психологии; всякое политическое действие должно уметь уловить эту эмоциональную трансформацию настроения классов: «Война не может не вызывать в массах самых бурных чувств, нарушающих обычное состояние сонной психики. И без соответствия с этими новыми, бурными чувствами невозможна революционная тактика»³.

Связь с настроениями масс вовсе не означает поддержки господствующей идеологии; речь идёт о знании их преобразований, чтобы позволять использовать эти изменения в рамках революционной тактики: «Каковы главные потоки этих бурных чувств? 1) Ужас и отчаяние. Отсюда – усиление религии. Церкви снова стали наполняться, – ликуют реакционеры. "Где страдания, там религия", говорит архиепископ Баррес. И он прав. 2) Ненависть к "врагу" – чувство, разжигаемое специально буржуазией (не столько попами) и выгодное **только ей** экономически и политически. 3) Ненависть к своему правительству и к своей буржуазии – чувство всех сознательных рабочих, которые, с одной стороны, понимают, что война есть "продолжение политики" империализма, и отвечают на неё "продолжением" своей ненависти к своему классовому врагу, а с другой стороны, понимают, что "война войне" есть пошлая фраза без революции против своего правительства»⁴.

Первое, что следует сказать, так это то, что мы можем говорить о самых бурных чувствах в массах и преодолении обычного состояния сонной психики только в областях, непосредственно втянутых в войну, на Украине и в России. В Европейском союзе и США, лишь косвенно вовлечённых в опосредованную и экономическую войну против России во всех классах господствует состояние политической пассивности, и, если угодно, только политико-журналистский класс чувствует себя мобилизованным в интервенционистской кампании.

Аналогичное состояние, напомним, было отмечено в 1991 году во время первой войны в Персидском заливе. С одной стороны, война ознаменовала перелом в господствовавшей идеологии, писал Арриго Черветто: «Пересмотр истории является своего рода испытательным полигоном для доктрин. До сих пор скрытые силы проявляют себя, превращая в пыль иллюзии умиротворённого мира, посеянные политологами, философами, священнослужителями».

Только марксизм имел «инструменты, милитантское мужество, научную ясность для того, чтобы охватить в целом экономические, социальные и политические явления, которые, переплетаясь, образуют узел войны. Социология, статичная и устаревшая, останавливается на поверхности явлений. Либеральная идеология видит, как от сотрясений империализма дрожат туманные стены её права. В центр сцены возвращается религия – мачеха утопии, брошенной трусостью либерал-демократов и реформистов»⁵.

С другой стороны, необходимо было указать на «существенную политическую пассивность социальных слоёв мелкой буржуазии, служащих, наёмных работников» (Cervetto A. *Forze e forme del mutamento italiano*). Этой «апатии» способствовало отсутствие пролетарского интернационализма,

«задержка» интернационалистской партии рабочего класса: «Нельзя ожидать стихийного интернационалистского движения. Интернационализм требует теории и практики, которые только ленинистская партия может годами работы и борьбы привить наёмным работникам». Само понятие интернационализма должно было быть «восстановлено» после десятилетий сталинистской контрреволюции, извратившей его смысл.

Июнь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 286.

2 – Там же. 289.

3 – Там же. С. 290–291.

4 – Там же. 291.

5 – Черветто А. Многополярный мир 1990–1995. СПб: Марксистская наука, 2006. С. 38 (перевод исправлен).

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт,
издание дополнено предисловием
издателя, биографией автора,
приложением из документов
Первого Интернационала,
работ К. Маркса и Ф. Энгельса,
относящихся к данной тематике,
а также статьёй Д.Б. Рязанова
"Международное товарищество
рабочих. I. Возникновение первого
Интернационала"

(из книги: Архив К. Маркса
и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924),
хронологией, фотографиями,
биографическим справочником,
перечнем упомянутых в книге
периодических изданий
и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Содержание

ВОЙНА В ЕВРОПЕ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ	стр. 1
Линии и идеологии кризиса порядка	стр. 2
Ребус глобализации	стр. 3
Воюющая Россия не уверена в сценариях своего будущего	стр. 4
Европейское перевооружение, вызванное войной на Украине	стр. 5
Истоки английских профсоюзов	стр. 6
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Агитация Лассаля	стр. 7
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Решающее десятилетие для восхождения Дракона	стр. 8
Ревизионистская Бразилия	стр. 9
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Ложная отправная точка международного сотрудничества	стр. 10
<i>Международное сражение в автопроме</i>	
От ремесленничества к слоанизму	стр. 11
<i>Атом и индустриализация науки</i>	
Синтетический каучук в военном арсенале	стр. 12
Токио вооружается "реализмом для новой эры"	стр. 13
<i>Российские хроники</i>	
Кремль повышает градус мирового противостояния	стр. 14
США пытаются создать индо-тихоокеанский блок "по выбору"	стр. 15
Война и разделы	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Евроатлантизм и иберийское нарушение равновесия	стр. I
Большая и малая геополитика в Мадриде	стр. II
Неприхотливое иберийское равновесие	стр. III
Испания, Европа и война	стр. IV

Линии и идеологии кризиса порядка

Вернёмся к Ленину и «бурным чувствам», разбухшим войной в массах. В России и на Украине религия мобилизует в первую очередь православные церкви, которые, будучи национальными, непосредственно задействованы на противоположных фронтах войны, благословляя либо украинский национализм, либо русский империализм. «Католический интернационал», согласно определению Андреа Риккарди, имеет некоторый запас гибкости в своей привязанности к римскому центру, позволяющему ему не подчиняться правительствам, но и его пересекают линии разлома национализма, укоренённого среди греко-католиков Львова и Галиции.

Более того, автономное пространство для действий Ватикана используется в Риме для продвижения дипломатической инициативы, которая добавляется к конкретной позиции Европейского союза там, где она отличается от позиции Соединённых Штатов и обращается к Китаю. Тем самым активный нейтралитет Ватикана полезен для политики многовекторности европейского империализма, а также, возможно, китайских линий «подлинной многосторонности»; католический интернационал пытается представлять унитарный момент диалектики единства и раскола глобальной империалистической системы, но в этом особом положении он по-прежнему остаётся интерпретатором одного из базовых движений правящего класса.

Что касается «ненависти к врагу», противопоставляемой «ненависти к своему правительству и к своей буржуазии», речь идёт не о статическом состоянии, а о процессе, где волны войны преобразовывают психологию масс. Мы должны «уметь выжидать обработки их голов опытом войны»¹, – писал Ленин в мае 1915 года. Неизвестно, окажет ли – и если окажет, то когда – развитие конфликта столь глубокое воздействие на положение классов, что у пролетариата возникнет неприятие собственных правительств как в Киеве, так и в Москве; несомненно, такая революционная перспектива учитывает историческую задержку интернационалистской партии нашего класса, лозунгом которой станет единство русского и украинского пролетариата.

Учитывая, что через 30 лет после 1991 года реконструкция интернационализма сделала некоторые значительные, но немногочисленные шаги, фактом остаётся то, что в этой войне, в борьбе против всех империализмов и всех национализмов, для революционного коммунизма в метрополиях Европы есть лишь одна конкретная достойная задача – борьба против европейского империализма. Это требует научного знания линий и идеологий, приведённых в движение конфликтом в Европе, иначе существует опасность оказаться в плену многочисленных вариантов империалистического европеизма, которые обретают форму именно в огне военного противостояния. Одна из этих линий разводит европейские и американские интересы в отношении России и украинской войны, утверждая своего рода стратегическую автономию Старого континента. И это ничто иное, как одна из империалистических линий.

В Америке обсуждают цели опосредованной войны, начатой США в ответ на российскую агрессию. *The New York Times* опубликовала коллективную позицию

своих обозревателей, которая помещает газету в число сторонников чётко определённой критической линии по отношению к администрации Байдена, линии, которая, вероятно, пересекает саму администрацию. Газета пишет, что цели и стратегия США в войне стали «более трудными для понимания»; отсюда возникает «много вопросов», на которые Джо Байден должен ответить: «Пытаются ли, например, США способствовать прекращению конфликта посредством соглашения, которое допускает суверенную Украину и какие-то отношения между США и Россией? Или США сейчас пытаются навсегда ослабить Россию? Сместился ли акцент администрации на дестабилизацию Владимира Путина или его устранение? Намерены ли США привлечь Путина к ответственности как военного преступника? Или цель состоит в том, чтобы попытаться избежать более широкой войны, и если да, то как предоставление данных американской разведки для убийства русских и потопления одного из их кораблей согласуется с достижением этих целей?»

При отсутствии ясности *The New York Times* видит угрозу внутреннему консенсусу в США, а также «долгосрочной безопасности и миру на европейском континенте». Здесь можно прочесть понимание европейских оговорок; подразумевается, что ЕС, или, скорее, его западное ядро, не заинтересовано в том, чтобы сделать конфронтацию с Россией вдоль украинской линии разлома постоянной, изолируя Москву от континентальной стратегической консенсуса. Вскрылась критика «неисповедимой эйфории», о которой *Le Monde* предупредила американскую администрацию. По мнению *The New York Times*, тезис о том, что Украина способна отбросить Россию на позиции, существовавшие до вторжения, является «опасной гипотезой»; решающая военная победа Киева «не является реальной целью». Байден должен дать понять Зеленскому, что «есть предел тому, на что пойдут США и НАТО в противостоянии с Россией» в плане оружия, денег и политической поддержки; «крайне важно, чтобы решения украинского правительства основывались на реалистичной оценке его возможностей и того, сколько разрушений Украина ещё может выдержать».

Методическое замечание: выступления крупных органов печати являются реальными политическими актами, и крайне важно воспринимать их как таковые в последовательности ходов политической борьбы. В свете линии *The New York Times* выступления, подобные тем, которые сделали Чарльз Купчан, Ричард Хаас и Генри Киссинджер, приобретают иное значение, поскольку они подразумевают, что существуют реальные силы, которые продвигают данную линию или её дозировки. На основе выступлений этого типа, хотя и на более высокой степени интенсивности, нам в 2003 году удалось вывить противодействие Восточного побережья США войне по выбору Джорджа Буша – младшего в Ираке.

Показательно, что Байден пожелал – или был вынужден – лично ответить *The New York Times* своей статьёй. В ней определённое внимание к европейским оговоркам соизмеряется с двойственностью отстаивать «международный порядок, основанный на правилах»: «жизненным

интересом» Соединённых Штатов является «мирная и стабильная Европа», но также и противодействие волонтеристскому применению силы; «если Россия не заплатит за свои действия высокую цену», то это «повсюду» поощрит других возможных агрессоров.

Чтобы понять конкретные позиции держав в украинской войне, необходимо вернуться к знаку глобального противостояния – к тому, что мы обозначили как второй тайм новой стратегической фазы. Тридцать лет назад первая война в Персидском заливе вместе с распадом СССР сопровождалась стратегической цезурой, последствия которой были сопоставимы с мировой войной и которая перезапустила цикл империалистического либеризма, то есть глобализации. Именно крах России убедил Китай Дэн Сяопина встать на путь «реформ и открытости», который связал его внутренний рынок и огромные запасы рабочей силы с потоками товаров и капиталов мирового рынка.

Тридцать лет спустя, подтверждая уже наметившиеся с кризисом 2008 года тенденции, война на Украине становится символом нового курса глобального противостояния, где в кризисе порядка также видна эрозия предпосылки глобализации и либеристского знака цикла, или где в любом случае условия этой глобализации, её структура и её институты ставятся под сомнение как Китаем и рядом восходящих держав, так и старыми, находящимися в упадке державами.

Пекин требует новых условий глобального раздела, выдвигая формулы «инклюзивной глобализации, неделимой безопасности и инициативы глобальной безопасности». Соединённые Штаты начали опасаться, что старые институты либеристского порядка поспособствовали появлению новых соперников, и колеблются между искушением отказаться от старых правил, превратить их в оружие для противодействия Китаю в противостоянии между блоками или договориться с Пекином о новом балансе. Европейский союз и Япония также стоят перед дилеммой, связанной с противостоянием новому сопернику, а именно Китаю, но они пытаются сделать это, устанавливая пределы автономии от Соединённых Штатов: испытывав на себе последствия американского одностороннего подхода при президентстве Дональда Трампа, они опасаются как разрушительного столкновения, так и сепаратного соглашения между Вашингтоном и Пекином, вновь обещающего реализовать линии стратегической автономии, которые, однако, сопротивляются американскому давлению, направленному на уход с китайских рынков. Декаплинг, то есть разрыв с цепочками создания стоимости, связанными с Китаем; френдширинг – своего рода ограниченная либерализация с участием лишь дружественных держав; технологический суверенитет, или автономия в ключевых производственных отраслях; блок демократий против блока авторитаризма – вот лишь некоторые из инструментов этой новой фазы, они мотивируют политику государственного вмешательства и относительного протекционизма и свидетельствуют по крайней мере об эрозии либеристского консенсуса.

Журнал *Le Grand Continent*, придерживающийся макроновско-европеистской ориентации, опубликовал сборник эссе,

в котором говорится, что «междущарствие» этого состояния кризиса порядка отмечено противостоянием «политического капитализма» США, Европы и Китая; определение заимствовано у Макса Вебера и подразумевает сочетание государственного капитализма с применением политической силы в империалистическом противостоянии держав.

Жан-Мари Геэнно в своей работе «*Le premier XXIe siècle*» видит переход от глобализации к фрагментации мира. То, что было представлено как универсальный проект «либерального многостороннего порядка», было прежде всего «западным проектом, выражением эфемерного момента, когда Запад, казалось, доминировал над миром». Это была «полезная химера»: «она служила интересам американской державы, которая, не колеблясь, нарушала правила, когда считала, что это соответствует её собственным интересам, [а также интересам Западной Европы], чья безопасность была гарантирована незначительными затратами». Через 30 лет после «триумфа» 1989 года эта химера исчезла; с американским кризисом, вскрытым президентством Трампа, и утверждением Китая «идея [западного] прогресса» получила двойной удар: «Самая передовая демократия демонстрирует конъюнктурный характер электральных процессов, и с державным восхождением Китая идея прогресса перестаёт совпадать с прогрессом Запада: сегодня уже нет империи-мира, есть мир-экономика, и эта мир-экономика далеко превосходит Запад».

Ни один переход власти никогда не происходил мирным путём, тем более настолько колоссальным, что ставит под вопрос результаты столетия капиталистического развития. Единство и раскол – таковы два неразделимых лика глобального империализма, но кризис порядка означает, что взаимные пропорции этих двух динамик меняются. Война на Украине сигнализирует о новом курсе противостояния; всеобщее перевооружение всех держав есть мера укрепления тенденции к расколу.

Июнь 2022 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 183.

Ренато Пасторино

Их политика и наша политика

288 страниц, твердый переплет,
список аббревиатур, хронология,
библиография, биографический
справочник.
ISBN 978-5-6042357-2-0

Цена 350 руб

Ребус глобализации

В то время как “горячая” война на Украине продолжает сеять смерть, разрушения и зверства, расширяет свои масштабы война экономическая, ведущаяся при помощи санкций и репрессалий и сопровождающаяся перемещением миллионов беженцев, сокращением поставок и повышением цен на энергоносители, а также инфляцией, которая широким фронтом распространяется из энергетической сферы на сектор товаров и услуг первой необходимости. К этому добавляется угроза продовольственного кризиса, который лишит Средиземноморье, Средний Восток и Африку не менее 20 млн тонн застрявшей в Чёрном море украинской пшеницы, значительно увеличив число “проклятых” современным обществом, то есть тех 700 млн человек которые, по данным Всемирного банка, живут в крайней нищете и над которыми *всегда* нависает мучительная угроза голода. 23 страны, в том числе Индия, Египет и Индонезия, защищают себя, запрещая экспорт зерновых. Согласно исследованию Института Брейгель, блокады и запреты держат в заложниках одну шестую часть калорий, перемещаемых всей мировой торговлей.

Непонятно, в какой мере всё это учтено в расчётах экономических метеорологов. Все экономические барометры в первой половине июня указывали на существенное сокращение роста и высокую инфляцию. Последствия войны дополняются последствиями пандемии, усугубляемыми длительными локдаунами в Китае. Всемирный банк и ОЭСР вдвое снижают прогнозы глобального роста по сравнению с экстраординарным восстановлением 2021 года (после года распространения Covid-19) и на треть по сравнению со своими же прогнозами начала года: теперь рост оценивается в 3 % в 2022 и 2023 годах. ОЭСР публикует оценку, в которой ожидаемый уровень инфляции в “развитых” странах удвоен по сравнению с предыдущей – с 4,4 до 8,8 %. В США теряют свои позиции те, кто надеялся на «мягкую посадку». Рост опасений по поводу рецессии идёт бок о бок с намерением ФРС искоренить инфляцию.

Гипотеза рецессии

Лоуренс Саммерс считает, что рецессия в США весьма вероятна: «С учётом того, что уровень инфляции составляет 8 %, а уровень безработицы остаётся ниже 4 %, исторические данные позволяют предположить очень высокую вероятность рецессии в ближайшие 12–24 месяца». Бывший министр финансов считает, что примеры «мягких посадок» (в 1965, 1984 и 1994 годах), которые приводит ФРС, чтобы укрепить оптимистичные настроения, неуместны: во время этих кризисов не было серьёзных потрясений предложения, подобных тем, что были вызваны пандемией и войной; рынок труда не был таким «узким», как сегодня; процентные ставки были выше темпов инфляции, потому что ФРС принимала меры раньше.

Бывший главный экономический советник Барака Обамы Джейсон Фурман считает, что степень сопротивляемости рецессии зависит от устойчивости частного потребления, которое, в свою очередь, поддерживается сбережениями, накопленными во время пандемии. Смогут ли эта экономия компенсировать рост цен, денежной массы и кредита? И смогут ли более высокие ставки сдерживать инфляцию? Фурман, кажется, настроен скептически.

The Economist считает, что рецессия в США, вероятно, возникнет к 2024 году: она будет относительно мягкой, но подчеркнёт некоторые слабые стороны. Развивающиеся страны и восходящие державы, ослабленные инфляцией и продовольственным кризисом, дополнительно пострададут от падения экспорта из-за рецессии в США, в то время как сильный доллар сделает обслуживание

ими своего долга более обременительным. Компании с Уолл-Стрит, уже потянувшие 15 % своей капитализации, могут непредсказуемым образом отреагировать на удорожание заёмного капитала после 10 лет почти бесплатного кредита, особенно в секторах, связанных с теневыми банками, объём активов которых сейчас превышает объём активов регулируемой банковской системы; наконец, если рецессия наложится на президентскую кампанию 2024 года, то разгорится ядовитое политическое сражение, в которое может быть вовлечена и ФРС.

Ведущие экономисты Deutsche Bank (Дэвид Фолкергс-Ландау, Питер Хупер и Джим Рид) считают, что целый букет факторов – структурных, рыночных, психологических, связанных с ошибками ФРС – будет поддерживать инфляцию на высоком уровне, что приведёт экономику США к «значительной рецессии к концу 2023 года, при этом уровень безработицы вырастет на несколько процентных пунктов».

Лауреат Нобелевской премии по экономике Майкл Спенс и глава Citigroup Джейн Фрейзер считают, что рецессия более вероятна в Европе, чем в США. Бывший главный экономист МВФ Кеннет Рогофф расширяет поле: в настоящее время «шансы рецессии в Европе, США и Китае значительны и возрастают, и крах в одном регионе увеличит шансы краха в других».

Инфляция и ключевая ставка в Европе

В еврозоне уровень инфляции вплотную приблизился к уровню инфляции в США: в январе, марте и мае ножицы равнялись соответственно 2,4, 1,1 и 0,5 процентного пункта. Сейчас инфляция в США составляет 8,6 %, а в еврозоне – 8,1 %. Причиной ускорения роста цен является энергетическая зависимость Европы от России. Эта зависимость обуславливает фундаментальное различие между европейским и американским циклами: цены на газ в Америке удвоились, в то время как в Европе они увеличились в девять – двадцать раз (если брать крайние значения). Энергетическая инфляция обречена на сохранение и дальнейший рост после 60 %-го сокращения поставок газа в Европу со стороны “Газпрома”.

Ускоренный рост инфляции вынуждает ЕЦБ начать процесс повышения ключевой ставки – сначала на 0,25 процентного пункта в июле, а затем в сентябре и позже. ЕЦБ возвращается к проблеме, уже возникшей во время долгового кризиса в Европе: риску фрагментации, то есть риску увеличения спреда между доходностями облигаций различных государств, который десять лет назад уже ставил под угрозу сплочённость ЕС. Решение о повышении ставки было принято единогласно, поскольку оно включает пункт о том, что реинвестирование в рамках Программы чрезвычайных закупок в условиях пандемии (Pandemic Emergency Purchase Programme, PEPP) будет использоваться для защиты стран, наиболее подверженных долгам: явно упоминается Греция, подспудно – Италия. Считалось, что заявленный объём PEPP (1,7 трлн евро) будет служить сдерживающим фактором против спекулятивных атак. Но спред итальянских облигаций взлетел ещё до первого повышения ставки. ЕЦБ в срочном порядке приступил к изучению «нового инструмента борьбы с фрагментацией», предвосхищая решение ФРС ускорить ужесточение монетарной политики с повышением ставки на 0,75 процентного пункта.

Иньяцио Виско в “Заключительных сообщениях” в конце мая предложил создать Стабилизационный фонд – «инструмент, готовый к использованию в случае необходимости» и наделённый ресурсами, собранными «путём выпуска долга Евросоюза перед передачей их странам-членам».

Эта гипотеза встретит множество возражений. Надежда стран с наибольшей задолженностью состоит в том, что высокая инфляция уничтожит прежний долг, не принуждая при этом влезать в новые чрезмерные национальные долги, за исключением «хороших долгов».

Фрагментация

Вопрос о фрагментации тревожит сон не только руководства ЕЦБ и ЕС. МВФ и его директор-распорядитель Кристалина Георгиева начали кампанию сопротивления «геоэкономической раздробленности», усугублённой войной на Украине. Георгиева бьёт тревогу, предупреждая, что грядёт «мир, который может расколоться на “экономические блоки”, что создаст препятствия для трансграничного движения капитала, товаров, услуг, идей и технологий». Она опасается заклинивания «двигателей интеграции, которые повысили производительность труда и уровень жизни, утроили объём мировой экономики и вывели 1,3 миллиарда человек из крайней нищеты за последние три десятилетия». Она также опасается риска «фрагментации международной валютной системы» и «системы международных расчётов». Призыв Георгиевой был одним из многих оппозиционных ответов министру финансов США Джанет Йеллен, которая в апреле, выступая на Атлантическом совете, выдвинула идею френдшоринга, то есть создания консорциумов или блоков дружественных стран, с которыми Соединённые Штаты делили бы цепочки поставок, что является слегка подслащённой формой протекционизма.

Бывший управляющий Резервным банком Индии Рагурам Раджан заметил, что Брексит является демонстрацией того, что «друзья не всегда остаются друзьями. Даже у стран с такими близкими температурами, как США и Канада, были серьёзные разногласия во время президентства Трампа».

Управляющий Банка Италии Виско выступил с критикой тенденции, ведущей «нас к миру, разделённому на блоки, с меньшим количеством перемещений не только товаров, услуг и финансового капитала, но и технологий, идей и людей». «Коррекция курса» глобализации должна происходить в направлении «к новому международному равновесию, принимая во внимание возросшее значение развивающихся стран».

Управляющий Банка Франции Франсуа Вильруа де Галье выступил на Форуме развивающихся рынков в Париже, высказавшись против идеи блокад в монетарной сфере: «Мы должны избежать перехода от системы, основанной на долларе, к конфликтной “несистеме”, в рамках которой [...] мир, опирающийся на доллар, противостоял бы миру, опирающемуся на юань». Необходимо сохранить «концепцию более сбалансированной многополярной системы», даже если сегодня она может показаться утопией.

“Деглобализация”

Рассуждения о фрагментации и создании блоков являются частью дебатов о “кризисе глобализации” и “деглобализации”, которые несколько раз начинались ещё со времён глобального финансового кризиса и сейчас вновь были вынесены на поверхность пандемией и войной. Экстраординарная фаза капиталистической экспансии, следовавшая за распадом СССР, завершилась. В определении деглобализации часто смешиваются явления разной природы и последовательности: замедление цикла, сдувание фиктивных пузырей капитала, эпизоды реструктуризации в различных отраслях и изменения в цепочках добавленной стоимости, тенденции к большей торговой регионализации, распродажа со стороны старых метрополий важных производственных сегментов в рамках международного разделения труда, популистская и совранистская реакция на замедление формирования ак-

тивов в старых метрополиях, полемика возрождающегося кейнсианства против либеральной мифологии рациональности рынков и, наконец, нарастающее столкновение между восходящим Китаем и находящимися в упадке США, отражением которого становится наиболее радикальная (за исключением войны) концепция раскола – декаплинг.

Этой теме посвящена редакционная статья *Financial Times* от 21 апреля, ссылающаяся на письмо Ларри Финка (основателя и главы мирового гиганта по управлению активами BlackRock) своим акционерам. Финк утверждает, что война на Украине и изменения в цепочках добавленной стоимости «положили конец трём десятилетиям глобализации». Война знаменует собой «поворотный пункт в мировом порядке геополитики, макроэкономических тенденциях и тенденциях рынка капитала».

Правда, газета Сити поправляет Финка – на наш взгляд, неправомечно, – замечая, что на самом деле феномен деглобализации развернулся с падением Lehman Brothers, когда Пекин запустил масштабное фискальное стимулирование, а вместе с ним и англо-саксонский финансовый рынок. Мировой финансовый кризис был не эпизодом деглобализации, а моментом посвящения восходящего китайского империализма, чей вклад в возвращение сошедшей с рельсов англо-саксонской финансовой системы на рельсы накопления был признан даже министром финансов США Генри Полсоном.

Нисходящая фаза глобализации

Лауреат Нобелевской премии старый кейнсианец Джозеф Стиглиц отмечает, что в этом году в Давосе люди, которые традиционно поддерживали глобализацию, говорили прежде всего о «неудачах глобализации». Прошли времена «мира без границ», теперь «все признают, что хотя бы некоторые национальные границы имеют основополагающее значение».

«Конец давосского человека» сигнализирует о том, что пара «пандемия – война» инициирует начало фазы спада в длинном цикле глобализации. Во-первых, изменился масштаб некоторых факторов, которые обуславливали восходящий характер предыдущей фазы: с одной стороны, вторжение на мировой рынок около миллиарда низкооплачиваемых рабочих, привлёкшее отечественный и иностранный капитал очень высокими нормами прибавочной стоимости, легло в основу нового расслоения в среде наёмных рабочих в старых метрополиях, как в её верхних стратах (в семьях с несколькими источниками дохода), так и в нижних (среди занятых по срочным контрактам и рабочих-иммигрантов); с другой стороны, пущенные в обращение избыточные сбережения (saving glut) подпитывали не только разного рода инвестиции, но также и катастрофические финансовые пузыри.

Во-вторых, широко распространённое утверждение о том, что геополитика стала определять экономическую динамику, на самом деле отражает процесс действий и контрдействий в рамках нового раздела мирового рынка между державами – одни из которых закрываются в обороне, а другие пытаются держать двери открытыми, а мосты целыми – на основе соотношения сил, выстроенного в восходящей фазе цикла: ключевыми факторами здесь являются создание евро, восхождение Китая и появление дюжины средних держав, уже разминающих мускулы и готовых вступить в игру.

В-третьих, как восходящие, так и нисходящие державы массово перешли к использованию всех доступных средств. Ставки в империалистическом противостоянии растут.

Воюющая Россия не уверена в сценариях своего будущего

Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) был основан в Москве 25 февраля 1992 года: в день своего тридцатилетия вместо того, чтобы отмечать запланированный праздник, ему предстояло столкнуться с началом войны.

Сомнения и уверенность

И именно эта новая реальность с её многочисленными неизвестными наложила отпечаток на дискуссии. Вот как говорит об этом Председатель Президиума СВОП Фёдор Лукьянов в статье «Внутри учебника истории», опубликованной 11 мая в «России в глобальной политике»: «[...] мы [...] сегодня пребываем как будто внутри учебника истории, который пишется на наших глазах. Минус такой позиции – невозможно перелистать страницы и узнать, что случится дальше».

На юбилейной XXX Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, прошедшей 14 мая, выступил министр иностранных дел Сергей Лавров, занявший за столом место между Председателем Президиума Лукьяновым и Почётным Председателем Президиума Сергеем Карагановым. В своём выступлении Лавров подтвердил, что на данном этапе Кремль сохраняет уверенность: на Украине решается, будет ли мировой порядок многополярным или им будет управлять «небольшая группа» избранных стран Запада; Москва открыта для «равноправного диалога», но не приемлет «самонадеянного поведения» тех, кто хотел бы «отменить Россию» в своих внешних связях; в случае, если это случится, то будет происходить более тесное «сближение [России] с [её] единомышленниками», то есть с «не-Западом», начиная с Китая.

Прогнозы из сценариев будущего отражают – помимо динамики самого боя – дилеммы российской внешней политики, назревшие за 30 лет и обострившиеся войной. Нет недостатка в некотором переосмыслении этой политики. Рассмотрим несколько примеров.

Тревога Тренина

На упомянутой ассамблее СВОП также выступил Дмитрий Тренин, бывший полковник разведки (во времена СССР), а с 2008 года и до недавнего времени глава ныне закрытого Московского Центра Карнеги. Он подтвердил свою азиатскую ориентацию, которая выглядит эволюцией прошлых позиций. В своей работе 2021 года «Новый баланс сил», отрецензированной в февральском номере журнала МИД России «Международная жизнь», он привёл мысль о возможности интеграции Украины в евразийский проект. Этот тезис был высказан в главе, посвящённой «ошибкам» путинской эпохи, одной из которых Тренин считает войну 2014 года, отметив, что «[к] счастью, эта ошибка была вовремя купирована», например, удалось избежать оккупации Мариуполя, поскольку «военная оккупация Украины [...] привела бы к тяжелейшим последствиям и в конце концов закончилась бы колоссальным провалом»¹.

Сегодня всё изменилось, и Тренин вынужден признать новую реальность. В статье «Политика и обстоятельства. Способны ли мы сохранить страну и развивать её дальше», обнародованной 20 мая в «России в глобальной политике», он написал: «*Большая игра* перестала быть игрой. Она стала войной». Старая стратегия, направленная на признание со стороны Запада и сотрудничество с ним, практически полно-

стью отменена, и России придётся всё больше и больше полагаться на себя. Некоторые тезисы звучат очень тревожно: «[...] стратегическое поражение, которое России готовит Запад во главе с США», не вылетит в мир, а проложит путь к тому, что театр «гибридной войны» переместится внутрь самой России, «существование которой в [её] нынешнем виде окажется под вопросом».

Азиатская дозировка

Вот почему Тренин вновь выдвигает своё предложение смотреть в сторону «не-Запада», и в частности Азии, предвосхищая динамику отношений с Китаем: «Форсировать ещё большее сближение с Пекином у Москвы сейчас нет возможностей, а в слишком тесном альянсе нет необходимости». Однако в случае ухудшения американо-китайских отношений «Россия должна быть готова оказать политическую поддержку Китаю, [а также] в ограниченных масштабах и на определённых условиях – военно-техническую помощь ему, избегая в то же время прямого участия в конфликте с США». Нелёгкое упражнение в выборе стратегической дозировки.

Остаётся признать единственно возможный вывод: «Война – всегда самая строгая и жестокая проверка на прочность, выносливость и внутреннюю силу. Россия сегодня и на обозримое будущее – воюющая страна».

Три сценария Картунова

Генеральный директор Российского совета по международным делам (РСМД) Андрей Картунов предлагает более детальную оценку, в которой намечает три сценария хода войны и, следовательно, будущего международных отношений Москвы. Он делает это в обширной статье «Реставрация, реформация, революция? Сценарии мироустройства после российско-украинского конфликта», опубликованной 21 мая на сайте РСМД. Для описания этих сценариев Картунов использует три термина: «реставрация», «реформация» и «революция».

Первый сценарий – «реставрация» – драматичен для Москвы: он подразумевает победу США и их союзников и отступление России, Китай также столкнётся с возвратом к «однополярному моменту» и будет вынужден соблюдать большую осторожность в своём регионе, а Индия «окончательно закрепит за собой место главного лидера в продвижении либерально-демократической модели развития на глобальном Юге». Россия же будет почти полностью изолирована и может быть реинтегрирована только в том случае, если вернётся «к внутриполитическим практикам и внешнеполитическим приоритетам эпохи Бориса Ельцина», то есть к подчинению Вашингтону.

Сценарий «реформации» основан на политическом компромиссе, который в изложении Картунова кажется преувеличенно сдвинутым в сторону выгодных для Москвы позиций: фактически он предусматривает признание американской стороной того, что Украина не является частью её жизненных интересов и что главный враг США – это Пекин, а не Москва. На местах это вылилось бы в признание нового статуса Крыма и Донбасса, если не де-юре, то де-факто, а Украина отказалась бы от попыток вступить в НАТО. Возможно, наиболее интересным аспектом этого сценария является то, что он рассматривается как успех Европейского союза, который получит большую стратегическую и военную

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Совет по внешней и оборонной политике (СВОП) следующим образом представляет себя на своём сайте: «[СВОП – это] неправительственное общественное объединение, основанное 25 февраля 1992 г. в Москве группой политиков, руководителей ассоциаций деловых кругов, предпринимателей, общественных и государственных деятелей, представителей силовых министерств, военно-промышленного комплекса, науки и средств массовой информации. [Его задачей является] содействие выработке и реализации стратегических концепций развития России, её внешней и оборонной политики, становлению Российского государства и гражданского общества в стране».

С 2012 года СВОП возглавляет Фёдор Лукьянов, а Почётным Председателем его Президиума является Сергей Караганов. В 2002 году СВОП учредил журнал «Россия в глобальной политике», главным редактором которого с самого начала был сам Лукьянов. Среди партнёров издания журнала – Российский совет по международным делам (РСМД) и Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП).

Деятельность СВОП осуществляется «в тесном сотрудничестве с рядом парламентских и правительственных органов». В качестве таковых называются Администрация Президента РФ, МИД РФ, Министерство обороны РФ, Комитеты ГД РФ и Совета Федерации по международным делам, по обороне. В среде академических учреждений СВОП поддерживает отношения сотрудничества с Институтом Европы и Институтом мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Российской академии наук.

Таким образом, СВОП является одним из органов для обсуждения и выработки стратегических направлений, которые затем будут оцениваться и применяться Кремлём. По этой причине министр иностранных дел Сергей Лавров в своём выступлении на юбилейной XXX Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике сказал, что встречи под эгидой СВОП «полезны», так как он является учреждением, «плодотворно генерирующим идеи, которыми в значительной степени пользуется и наша внешняя политика».

автономию от США: таким образом, подобный сценарий также может привести к «ускоренной интеграции Украины в Европейский союз и [договорённости] о лидирующей роли ЕС в постконфликтном восстановлении этой страны». Это модель, которую, по мнению автора, можно было бы воспроизвести и на Западных Балканах.

Третья гипотеза – «революция» – означает отсутствие согласия, интернационализацию конфликта и его переход в хроническое состояние и в перспективе распад «современной международной системы и период следующего за ним хаоса», который продлится «несколько десятилетий». Единство Запада может пошатнуться, а глобальное влияние Китая возрастёт, даже если Пекин не возьмёт на себя бремя обеспечения новой стабильности.

Что всё это может значить для России? По мнению Картунова, самый опасный и затратный для Москвы сценарий, но в то же время и самый маловероятный – это «реставрация». «Революция» могла бы показаться более выгодной, потому что ставит на кон буквально всё, но также верно и то, что в хаотичном мире «уязвимость России [...] может оказаться выше, чем у её противников».

У Картунова нет никаких сомнений в том, что предпочтительным сценарием является «реформация», но даже у неё есть цена: издержки войны всё равно будут весомыми, что приведёт к снижению активности во внешней политике. «Москве придётся всё чаще выступать в Евразии в непривычной для себя роли миноритарного акционера, достигающего целей в составе коалиций с участием более сильных партнёров». По сути, это просто другой способ сказать, что Россия в любом случае станет младшим партнёром Китая – позиция, которую Картунов явно не слишком ценит.

Русская стойкость

Как мы видим, Азия и Европа по-прежнему остаются Сциллой и Харибдой российской внешней политики. В целом нельзя сказать, что стратегические дилеммы решены Москвой, напротив, ход войны выявляет то одну, то другую. Тот же Картунов, например, смотря в сторону Запада, находит утешение в позиции Генри Киссинджера, критикующего ведение войны администрацией Байде-

на: в интервью деловой газете «Взгляд» от 25 мая Картунов отмечает, что и в Америке присутствуют реалистские тезисы, в рамках которых «вопросы территориальной целостности и суверенитета рассматриваются в более широком геополитическом контексте». Пока это «точка зрения меньшинства», всё ещё преобладает гипотеза победы Украины и вызванная этим «атмосфера эйфории». Но нужно быть осторожными: «Если Россия продолжит развивать своё наступление, то и настроения на Западе будут меняться». Иными словами, военный успех может укрепить надежды тех, кто стоит на западнических позициях.

Наше последнее замечание посвятим российскому моральному фактору. Отметим в этой связи выступление от 23 мая министра иностранных дел Лаврова перед учащимися гимназии им. Е. М. Примакова, где готовятся будущие дипломаты. Лавров напомнил афоризм министра иностранных дел Российской империи Александра Горчакова, высказанный после поражения России в Крымской войне в середине XIX века и гласящий, что «великие державы не нуждаются в признании» в том смысле, что в конце концов они всё равно будут приняты как таковые. Лавров вспоминает, сколько раз Россия в её сменяющих друг друга государственных воплощениях не признавалась и более того считалась мёртвой, раздавленная врагами.

Это говорилось им для того, чтобы сказать, что сегодня происходит то же самое: есть те, кто развязал войну на Украине с намерением победить Россию. Но, как желал бы Лавров, в конце концов все они поймут, что «Россия, она никуда не делась».

Однако непрекращающиеся дебаты свидетельствуют о том, что не так уж очевидно, в каком положении будет находиться Россия в ближайшем будущем. Если, как напоминает сам Лавров, пятисотлетнее абсолютное господство Запада и закончилось, то это только потому, что утвердились новые мировые державы, с которыми Москве также придётся иметь дело.

Июнь 2022 г.

1 – Тренин Д. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. М.: Альпина Паблшер, 2021. С. 246.

Европейское перевооружение, вызванное войной на Украине

Разногласия внутри Европы, обострившиеся на четвёртом месяце войны на Украине, напоминают те, что проявились в 2003 году между странами Восточной, Балтийской и Северной Европы, поддержавшими войну в Ираке, и Европой, сплотившейся вокруг франко-германской оси, которая выступила против неё. Этот раскол привёл к замораживанию европейских оборонных планов на последующие два десятилетия.

Le Monde говорит о «неприкрытой эйфории» части американской администрации, мечтающей о «длительном ослаблении России» (10 мая); в то же время в прессе витает подозрение, что эта эйфория также объясняется мечтой о разделении Европы и повторении сценария 2003 года. Франко-германская ось хотела бы избежать этого и, похоже, пытается использовать динамику, заданную новой европейской войной, для достижения прогресса в европейском перевооружении и централизации институтов. Однако, учитывая масштабы этого перевооружения, рейнской инициативе будет сложнее чем в 2003 году представить себя в виде мирной альтернативы.

Европейские линии разлома

В интервью газете *New York Times* 18 мая премьер-министр Эстонии Кайя Каллас заявила, что «мир не может быть конечной целью» войны на Украине, и напомнила о страданиях, пережитых её страной после второй мировой войны. «Я не вижу другого решения, кроме военной победы, которая могла бы положить конец этому раз и навсегда»; в противном случае «будет пауза на один-два года, а затем всё продолжится как прежде». В свою очередь, в газете *Bild* от 9 июня президент Польши Анджей Дуда обвиняет Эммануэля Макрона и Олафа Шольца в содействии Владимиру Путину, поскольку они продолжают поддерживать контакты с российским президентом. Дуда призывает не бояться российского ядерного «шантажа»: «Ядерный потенциал НАТО и мира уничтожит Россию. Это представляет опасность для всего мира, но Путин это тоже знает. Как и Россия». В словах двух лидеров отразилась многовековая история их стран (Эстонии и Польши), которые были объектом раздела между державами, а также их личный и семейный опыт борьбы с Россией.

Макрон, напротив, 4 июня в интервью французской региональной прессы заявил: «Не следует унижать Россию, чтобы в день окончания боевых действий мы могли найти выход через дипломатические каналы». Шольц, со своей стороны, высказался гораздо более уклончиво, описав цель войны на Украине в Бундестаге следующим образом: «Россия не может победить, Украина должна продолжать существовать» (19 мая). Канцлер вынужден защищаться от критики, что он задерживает поставки оружия на Украину, заявляя, что Германия прилагает столько же усилий, сколько и её союзники, и что необходимо не допустить втягивания НАТО в войну. Но его аргументы с трудом убеждают его противников.

Немецкие дебаты

Die Zeit обвиняет канцлера в отсутствии чёткой позиции, из-за чего

возникают подозрения, что Германия недостаточно помогает Украине, пытаясь вынудить Киев пойти на уступки в обмен на быстрое прекращение огня. «Не обязательно говорить, что Украина должна победить. Но он должен чётко сказать, чего он хочет» (2 июня). *Der Spiegel* сожалеет: «Водораздел во внешней политике, объявленный Шольцем 27 февраля во время его знаменитой речи о смене эпохи (*Zeitenwende*), до сих пор не привёл ни к каким последствиям». Еженедельник признаёт, что «когда Германия, колосс в центре Европы, двигается, стёкла в окнах всего континента дрожат», и что долгое время это не предвещало «ничего хорошего». Однако на этот раз «колосс должен двигаться» (11 июня). Вопреки тому, что пишет *Der Spiegel*, «смена эпохи», объявленная Шольцем, уже имеет серьёзные последствия: специальный фонд в размере 100 млрд евро для вооружённых сил Германии был одобрен подавляющим большинством голосов в Бундестаге и Бундесрате. Но даже в этом вопросе можно услышать критику: *Frankfurter Allgemeine Zeitung* осуждает отсутствие «общей концепции», в соответствии с которой эти деньги должны быть потрачены. Консервативная газета заключает, что 100-миллиардный фонд «может быть только началом» (7 июня).

На самом деле создание специального фонда для вооружённых сил показывает, что Германия действительно пришла в движение. Однако возникает вопрос, не является ли двусмысленность Шольца сознательным выбором для того, чтобы двигаться без «дрезжания оконных стёкол».

Важным событием является выступление Ангелы Меркель в поддержку канцлера от социал-демократов. Через полгода после окончания 16-летнего канцлерства она вернулась на публичную сцену. В своей речи в театре «Берлинер ансамбль», которая транслировалась по телевидению в прямом эфире, она выразила доверие действующему правительству. Пользуясь случаем, Меркель воспользовалась случаем для защиты своей политики в отношении России. «Европа и Россия близки, [...] мы не можем полностью игнорировать друг друга. Даже в будущем это будет невозможно». Таким образом она подтверждает тот факт, что никогда не разрывала контактов с Москвой. Она оправдывает свой отказ принять Украину в НАТО в 2008 году, утверждая, что Путин расценил бы это как «объявление войны». Что касается её участия в переговорах по Минским соглашениям, то главной заслугой она считает то, что они дали Украине семь лет относительного спокойствия, в течение которых страна смогла укрепиться.

Бывший христианско-демократический канцлер отвергла обвинения в наивности в отношении России, указав, что после аннексии Крыма в 2014 году она поддержала санкции против Москвы, а также увеличила военный бюджет Германии с 32 млрд до 50 млрд евро, что соответствует уровню Франции и Великобритании. Меркель добавила, что она хотела получить дополнительные средства, в том числе на закупку боевых беспилотников, но они были заблокированы партнёром по правящей коалиции в лице СДПГ. По мнению *Le Monde*, это способ сказать, что «г-н Шольц, пообещав в конце февраля, что Германия до-

стигнет порога в 2 %, на практике всего лишь делает то, чего хотела бы она сама» (11 июня). Меркель заключает, что теперь против России придётся использовать военное сдерживание: «Это единственный язык, который понимает Путин».

Движущая сила Германии

Заявление Швеции и Финляндии о вступлении в НАТО повлекло за собой комментарии о более «балтийском» НАТО и о том, что Соединённые Штаты приобретают больший вес в обеспечении безопасности Европы. С другой стороны, события последних нескольких недель в Дании и Нидерландах, двух странах с ярко выраженной атлантистской традицией, показывают поляризующую силу немецкого ускорения в области обороны.

В Дании правительство меньшинства социал-демократического премьер-министра Метте Фредериксен достигло «национального компромисса» между пятью партиями. Они поддержали увеличение военных расходов до 2 % ВВП к 2033 году и кампанию за отмену датской оговорки о европейском военном сотрудничестве. На референдуме 1 июня отмена данного пункта получила 67 % голосов.

В один день с голосованием в Дании правительство Нидерландов объявило об увеличении военного бюджета на 40 % в ближайшие годы, чтобы достичь 2 % ВВП в 2024–2025 годах. Гаага, которая уже имеет объединённую бригаду с Берлином, продемонстрировала на этом мероприятии своё стремление к углублению интеграции с вооружёнными силами других стран, в частности, с немецкой армией. Кайса Оллонгрэн, министр обороны от социал-либеральной партии D66, сказала: «В конечном итоге [сухопутная армия] полностью интегрирована. Тогда не имеет значения, у кого на рукаве голландский флаг, а у кого немецкий. Мы должны действовать вместе». Популярная правая газета *De Telegraaf* приветствует увеличение военных расходов, но спрашивает: «Что если Нидерланды захотят принять участие в миссии, а Германия не захочет?» (2 июня). Это как раз один из узлов, которые предстоит распутать в процессе европейской институциональной централизации.

Европейское перевооружение

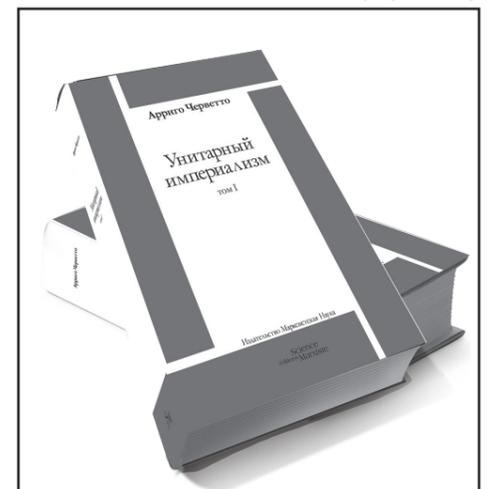
Этот проект был инициирован Макроном 9 мая на церемонии закрытия Конференции о будущем Европы. 9 июня Европейский парламент повторно обратился к Совету с просьбой созвать Конституционный конвент, тем самым активировав процедуру внесения изменений в договоры. В поддержку итогов конференции, одобренных Макроном, парламент в принятой резолюции призывает отозвать право вето и предоставить ЕС больше полномочий в области обороны, здравоохранения, энергетики и социально-экономической политики. Вопрос о реформе договора сейчас находится в руках Европейского совета.

С созданием сил быстрого реагирования численностью 5.000 человек, когда «стратегический компас» был одобрен Европейским советом в марте прошлого года, и отправкой оружия на Украину, ЕС уже сделал небольшие шаги в направлении, ука-

занном Меркель. Но на этом дело не остановилось. На Версальском саммите 10 и 11 марта главы государств и правительств ЕС поручили Еврокомиссии провести анализ недостатка оборонных инвестиций и сформулировать инициативы «по укреплению европейской оборонной промышленной и технологической базы». 18 мая Еврокомиссия представила свой анализ, отметив недостатки в расходах, промышленности и возможностях. В нём говорилось: «В результате вторжения России в Украину государства-члены уже объявили об увеличении своих оборонных бюджетов на сумму около 200 млрд евро дополнительно в течение следующих нескольких лет». Однако, учитывая «значительные сокращения и серьёзное недоинвестирование» последних лет, ЕС всё ещё отстаёт. «С 1999 по 2021 год совокупные расходы ЕС на оборону выросли на 20 %, по сравнению с 66 % у США, 292 % у России и 592 % у Китая». Поэтому Еврокомиссия призывает к увеличению военных расходов и объявляет о создании «целевой группы по совместным оборонным закупкам».

La Stampa сообщает, что в настоящее время только 11 % военных расходов ЕС осуществляется через «совместные инвестиции» и что Брюссель стремится достичь 35 %. *El País* добавляет, что самым срочным делом, по мнению Еврокомиссии, будет организация совместных закупок боеприпасов, «как это было сделано в случае с вакциной против Covid» (13 мая). Коронавирус и война – круг замкнулся: грандиозные планы государственного вмешательства, принятые во время пандемии столетия, трансформируются в программы перевооружения.

Июнь 2022 г.

Арриго Черветто

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 1

2005, 796 страниц, суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ.
ТОМ 2

2005, 736 страниц, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель. ISBN:
2-912639-18-2

Цена каждого тома
300 руб.

Истоки английских профсоюзов

К середине XIX века, после двух столетий упорной борьбы между классами, в Англии зародились первые формы профсоюзной организации и контракции. В то время Англия – «финансовый центр» и «мастерская мира» – достигла вершины своего могущества. Новое поколение рабочих, втянутое в города и на фабрики продолжавшейся годами «промышленной революцией», уже не могло оглядываться на оставшийся в деревне клочок земли или возможность заняться ремеслом, а должно было смириться с новой обстановкой.

Объединённое общество машиностроителей (ASE), образованное в 1851 году, было названо Сиднеем и Беатрис Уэбб в их работе *“The History of Trade Unionism”* 1894 года¹ первым союзом, построенным по «новой модели». Он централизованно действовал на общенациональном уровне, оставляя второстепенные задачи местным отделениям без права объявлять забастовки. В ASE могли вступить лишь квалифицированные рабочие, которые прошли длительное обучение и платили доступные только им высокие членские взносы, идущие на пополнение фондов сопротивления для забастовок и функционирование эффективной системы взаимопомощи.

Основной целью зарождающихся профсоюзов было управление и, в частности, сдерживание предложения рабочей силы в различных отраслях с тем, чтобы улучшать позиции на переговорах о её цене. Они предоставляли субсидии безработным и даже помогали им эмигрировать, чтобы они не соглашались на заработную плату ниже установленной ставки. В сущности, профсоюзы типа ASE больше полагались на угрозу забастовок, чем на сами забастовки, хотя, провозглашая их, они проводили их с большим размахом.

Новые профсоюзные лидеры

За несколько лет лондонские генеральные секретари – «Хунта», как называли её Уэббы – создали профсоюзное движение по всей стране. Теперь рабочих организовывали уже не мелкобуржуазные радикальные демократы, а «настоящие рабочие», пришедшие на фабрику ещё мальчишками и закалённые в борьбе. Они отличались от прежних рабочих лидеров: «К абсолютной честности и самоуважению они добавляли правильность речи, внимание к своему внешнему виду и заметное отсутствие всего того, что можно было услышать в кабаке»².

Аса Бриггс в своей книге 1975 года *“Victorian People: A Reassessment of Persons and Themes, 1851–67”* рассказывает о жизни эмигрировавшего в Америку, а затем ставшего руководителем ASE Роберта Эпплгарта (родился в 1834 году в семье китобоя). Он был не против забастовок, которые, однако, «должны были быть не секретным оружием, а окончательной санкцией профсоюзной власти». Свою позицию он обобщал в классической формуле: «Я хотел бы, чтобы каждый выполнял честную повседневную работу за справедливым ежедневным заработком».

Это был позитивный момент, даже с учётом того, что другие исследователи считают его первым симптомом будущей отчуждённости, которая возникнет между рабочей массой и

профсоюзными чиновниками, контактирующими с буржуазной средой. Для нас это всегда был вопрос политической сознательности, организованной в партию, сознательности и силы, привносимых в экономическую борьбу, и именно при их наличии профсоюзная борьба потенциально может привести к положительным результатам, независимо от способностей её лидеров и их оппортунистического и хвостистского скатывания к экономическим интересам и политике правящего класса.

Оппортунизм – термин, при помощи которого в марксистской традиции определяется политика приспособления многих социал-демократических лидеров к капиталистическому обществу, а затем и к войне. Возникновение и развитие оппортунизма – это процесс, который имеет социальные и политические корни в лежащем в его основе экономическом базисе, и его смысл невозможно расшифровать, если следовать лишь биографиям или психологии отдельных личностей.

Британские профсоюзы и Первый интернационал

В случае с Англией эти корни лежали в свободной торговле и либеральной демократии, а точнее, в преимуществах, которые извлекали из них формирующаяся в определённых секторах рабочая аристократия и её лидеры. Класс всегда выдвигает группу милитантов, личные качества которых подходят для решения задач момента, а если не происходит политический скачок, то эта драгоценная энергия тратится впустую или хуже того – используется другими классами.

Историческим примером противоречивости тред-юнионизма, то есть синдикализма как самоцели, может быть тот факт, что именно британцы выступили с инициативой учреждения Первого интернационала, которая была вызвана в том числе и политической атмосферой солидарности с борьбой, ведущейся в остальной Европе, но в первую очередь соображениями борьбы с практикой штрейкбрехерства, которая также приобрела международный масштаб.

Лидеры британских профсоюзов не видели противоречия между продвижением политических и электральных союзов с либералами у себя на родине под знаменем буржуазной законности и респектабельности и участием в Генеральном совете Интернационала, сопровождающимся подписанием «Обращений» под редакцией Карла Маркса.

Интересно проследить развитие этих отношений, которые постепенно охлаждались и закончились полным разрывом после событий Парижской коммуны 1871 года, в которых Маркс занял однозначно революционную позицию. В этот момент лидеры английского профсоюзного движения оказались рядом с анархистами, чтобы противостоять так называемому «авторитаризму» Маркса.

Другими словами, корпоративные реформисты и либеральные/либертарианские антиэтатистские повстанцы, то есть два течения, переплетённые с английским рабочим движением, не смогли подняться выше уровня стихийности, тред-ю-

КОРНИ ПРОФСОЮЗОВ

Сидней и Беатрис Уэббы в *“The History of Trade Unionism”* описывают появление первых «делегатов», их потенциал, но также и возможную ограниченность.

О шахтёрах: «Обязательный налог, взимаемый [при входе в скважину] с рабочих всего забоя для обеспечения заработной платы агента, который мог быть назначен простым большинством голосов, означал, что практически каждая угольная шахта могла иметь секретаря секции [...], контролёр этого налога должен был быть человеком, нечувствительным к грубости и задабриваниям директора или предпринимателей, иметь правильные привычки и ясный ум, быть пригодным к делу и умеющим производить расчёты».

О рабочих хлопчатобумажной промышленности: «Их главная цель состояла в том, чтобы содержать с помощью социальных фондов человека, способного квалифицированно рассчитывать зарплату и защищать интересы рабочих в непрерывных дискуссиях, которые возникали по поводу сложных сеток сделной оплаты [...], очевидно, что для такого рода работы успешный организатор или прирождённый оратор очень часто были совершенно непригодны. Поэтому и прядильщики, и ткачи приняли систему выбора своих секретарей по результатам экзаменов»⁴.

В наши дни, когда самые невероятные фантазёры хотят внедрить удалённое компьютерное управление самими рабочими, полезно вернуться к истокам синдикализма. В корпоративной форме профессии всегда возникает классовая оппозиция, лежащая в основе любой профсоюзной конфронтации. Картер Гудрич в своей книге 1920 года *“The Frontier of Control”*, на которую в работе 1985 года *“La Gerusalemme rimandata”* ссылается Витторни Фоа, приводит два примера.

На литейном заводе в Клайде мастера цеха вызвали в цех, где «он обнаружил плавильщика, который был разъярён тем, что директор во время своего обычного утреннего обхода объектов остановился около него минут на пять и наблюдал за его действиями: после собрания отдела мастер сопроводил делегацию к директору и добился обещания последнего, что это больше никогда не повторится».

Надзиратель, работавший на одной шотландской шахте, был вызван для дачи показаний и допрошен судьёй на предмет того, правильно ли некий рабочий выполнял свою работу.

«Надзиратель: “Я никогда не видел, как он работает”. Судья: “Но разве Ваша работа не состоит в том, чтобы, согласно горному законодательству, посещать каждое место работы дважды в день?” Ответ: “Да”. Вопрос: “Не делаете этого?” Ответ: “Да, делаю”. Вопрос: “Так почему Вы никогда не видели, как он работает?” Ответ: “Они прекращают работу, как только завидят прибывающего надзирателя. Они сидят и ждут, когда он уйдёт. А если в шахте нет опасности возгорания газа, то могут даже закурить трубку. Они не хотят, чтобы кто-то смотрел на них”».

нионистской критики, не смогли понять научную и политическую необходимость создания организованного и централизованного классового авангарда в виде партии.

Забастовки и парламентские иллюзии

Самым важным событием того периода была забастовка «девяяти часов» 1859 года, инициированная строительными рабочими, когда против неуступчивых собственников выступило всё движение. Спор закончился компромиссом, но престиж профсоюзов укрепился, количество профсоюзов, построенных по «новой модели», увеличилось, а в Лондоне была образована первая биржа труда. Начиная с 1864 года лондонская «Хунта» вела борьбу против старых законов, подвергавших рабочих вопиющей дискриминации, то есть ставивших рабочих в неполноценное по сравнению с предпринимателями положение. После ожесточённых споров и проведения открытого для профсоюзов расследования со стороны королевской комиссии было достигнуто соглашение, в соответствии с которым, профсоюзные ассоциации были официально зарегистрированы, что позволило им легально распоряжаться своими финансовыми средствами и защищать их, но наложило жёсткие оперативные ограничения.

С 1871 года начал проводиться ежегодный Конгресс тред-юнионов (The Trades Union Congress, TUC) и был создан парламентский комитет для координации давления на Палату общин с целью проведения законов, благоприятных для рабочих. Другая цель комитета заключалась в том, чтобы способствовать избранию в парламент (правда, по-прежнему только в качестве либеральных депутатов) некоторых профсоюзных деятелей от объединений, подавляю-

щее большинство которых составляли рабочие.

Юридическое признание и капиталистический рынок

В 1875 году консервативное правительство, стремясь завоевать голоса рабочих, снова изменило закон, поставив предпринимателей и рабочих на один уровень при заключении договоров, отказавшись от тюремного заключения за нарушение договоров и разрешив мирные пикеты.

Чтобы победить в этой законодательной битве, профсоюзные лидеры приняли логику собственников, восхвалявших «свободу рынка», но дополненную смешанными арбитражными комиссиями и так называемой «скользящей шкалой» заработной платы. Как писали Уэббы, это считалось большой победой, так как было получено «признание», но на самом деле, «когда представители предпринимателей и делегаты рабочих начали собираться для обсуждения будущей сетки заработных плат, можно было увидеть, что смелые лидеры многих профсоюзных сражений постепенно приняли аксиому капиталистов о том, что заработная плата должна колебаться»³ вверх, но ещё больше вниз.

«Скользкая шкала», то есть привязка заработной платы к цене угля или других товаров, обращающихся на мировом рынке, казалась преимуществом в фазе высоких цен, но стала бедствием, когда «средний уровень рыночных цен постоянно снижался [и уровень зарплат устанавливался] без учёта процветания отрасли и размера прибыли предпринимателей».

Апрель 2022 г.

1 – Русский перевод “История рабочего движения в Англии” (СПб., 1899).

2 – Наш перевод из “Истории рабочего движения в Англии”.

3 – Там же (наш перевод).

4 – Там же (наш перевод).

Агитация Лассалья

II

В конституционном конфликте между буржуазией и королём Пруссии Фердинанд Лассаль обвинил колеблющуюся Либеральную партию в непонимании того, что «конституционные вопросы по своему происхождению являются не вопросами права, а вопросами силы». Позже в статье «Сила и закон» он намеренно бросил перчатку уже Прогрессивной партии. Таким образом, «Открытое письмо» указывало на политическую цель будущего Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС): «[Если] в него войдут хотя бы 100.000 немецких рабочих, это уже будет сила, с которой придётся считаться всем».

Сила и закон

Осенью 1862 года в рамках конфликта с парламентом по поводу реформы армии прусская корона назначила Отто фон Бисмарка, бывшего на тот момент послом в Париже, канцлером в Берлине. Держа в уме пример Бонапарта, Бисмарк считал, что нужно не идти на лобовое столкновение с буржуазией, а заманивать её, выступая гарантом национального единства. Франц Меринг в своей «Истории германской социал-демократии» писал: «Бисмарк видел [в бонапартизме] не преходящий эпизод всемирно-исторической борьбы между буржуазией и пролетариатом, а только лишь классическую форму современного деспотизма, который развивает колоссальные продуктивные силы буржуазии с тем, чтобы железной рукою сдерживать её политические притязания»¹. Поскольку суть конфликта вокруг военной реформы сводилась к попытке использовать этот инструмент для объединения Германии, Бисмарк обещал буржуазии решить германский вопрос «железом и кровью».

Лассаль, который, как и прусское правительство, делал упор на силу как на основу закона, изображался Прогрессивной партией как орудие реакции. Это было обвинение, которое он сам в конечном итоге частично подтвердит, заключив союз с Бисмарком.

«Программа работников»

12 апреля 1862 года в Ораниенбурге Лассаль прочитал лекцию, текст которой позже был издан под названием «Программа работников», и в которой он обсуждал «особую связь текущего исторического периода с идеями рабочего сословия». Здесь обнаружилась характерная абстрактная, чисто идеологическая концепция, при помощи которой Лассаль трактовал понятие «государство». Тот факт, что Лассаль возводил эту идею в культ, пишет Эдуард Бернштейн во введении к «Ferdinand Lassalles Gesamtelte Reden und Schriften» 1893 года, подталкивал его к тому, чтобы «внушать рабочим почти мистическое благоговение, тогда как для них речь шла прежде всего о том, чтобы избавиться от покровительства полицейского государства».

Наиболее плодотворные и глубокие идеи «Программы работников» – такие как концепция, в соответствии с которой, дело пролетариата, в отличие от дела буржуазии, есть дело всего человечества – целиком подхвачены из «Манифеста Коммунистической партии» без упоминания о нём. Но Лассалю не хватает твёрдой базы диалектического материализма, и его сочинения целиком находятся на территории идеализма и моралистских доктрин. Лассальянский манифест завершается декларированием конечной цели построения «этического государства», которое должно быть поставлено, благодаря прямому всеобщему избирательному праву, под

власть «рабочего сословия», с которым оно и должно отождествляться. Показательно уже то, что даже через 15 лет после публикации «Манифеста» Лассаль предпочитает использовать термин Arbeiterstand (рабочее сословие) вместо Arbeiterklasse (рабочий класс).

Меринг пишет: «Лассаль рассматривал принцип рабочего сословия, как господствующий принцип общества с народной точки зрения: со стороны формальных средств его осуществления, затем в отношении его нравственного содержания и в отношении присущего ему политического воззрения на цель государства. Формальным средством его осуществления служит всеобщее и прямое избирательное право. [...] По своему нравственному содержанию принцип рабочего сословия, если бы он получил господство, вызвал бы такой расцвет нравственности, культуры и науки, какого ещё никогда не было в истории». Наконец, «государство, которое подчиняется идее рабочего сословия, вполне ясно, с полным сознанием поставит своей задачей нравственное развитие»².

Лейпцигский комитет

2 ноября 1862 года на большом народном митинге в Берлине был заключён компромисс между представителями рабочих и лидерами прогрессивной партии, объявившими себя поборниками улучшения экономического и социального положения рабочих. Выступление рабочих Фридриха Фриче и Юлиуса Вальтейха (будущих членов руководства лассальянского ВГРС и делегатов от Лейпцига на берлинском митинге) произвели такое положительное впечатление, что их город получил мандат на подготовку очередного съезда. Затем Лейпцигский комитет послал письмо Лассалю, в котором сообщил, что его «Программа работников» «была встречена здесь рабочими с большой благосклонностью», и что «к тому же многие выражали серьёзные сомнения в степени действительности программы, рекомендованной Шульце-Деличем». Поэтому Лассаль просили «изложить [его] идеи о рабочем движении, о тактике, которой оно должно следовать, о ценности союзов для наиболее обездоленного класса нации». Ответом на это приглашение стало «Открытое письмо», опубликованное 1 марта 1863 года. С этим письмом и с его принятием Лейпцигским комитетом и в целом Лейпцигским рабочим союзом завершается разрыв с Прогрессивной партией и начинается собственно социалистическая пропаганда Лассалья.

Всеобщий германский рабочий союз

23 мая 1863 года в Лейпциге был основан ВГРС. Его устав был написан Лассалем совместно с прусским депутатом-демократом Францем Циглером.

Незадолго до этого Лассаль установил близкие отношения с некоторыми революционерами 1848-го года, которые так же, как и он, пренебрежительно относились к Прогрессивной партии и были загипнотизированы идеей прусского государства. Среди них были: уже упомянутый Циглер, организаторскому таланту которого Лассаль очень доверял; Лотар Бухер, «второй Лассаль»³ по определению Меринга; а позже Иоганн Карл Родбертус. Все они оказывали определённое влияние на ВГРС, чьё руководство, как отмечал Меринг, имело «прусское происхождение»⁴, хотя сам союз был в большей степени укоренён среди рабочих в основных промышленных регионах Германии – в частности, Руре, Королевстве Саксония, Гамбурге, – чем в более сельских восточных регионах. В соответствии с

уставом, штаб-квартира ВГРС располагалась в Лейпциге.

Временным (до основания Social-Demokrat) печатным органом ВГРС считалась гамбургская Nordstern. Меринг указывал на неадекватность этой небольшой еженедельной газеты, незадолго до этого находившейся под идейным влиянием Гейндена, Кинкеля, Блинда (и других враждебных социализму эмигрантов) и руководством Брюна – заговорщика, на тот момент исключённого из Союза коммунистов.

Первое ядро немецкой партии

Лассаль в письме к Вальтейху так описывал цель своей агитации: «Мы можем двигаться вперёд только при участии больших масс. Массовое движение с той численностью, что есть у Национального общества, было бы нелепо. У нас должно быть в 7 раз больше последователей, чем у Национального общества. Иначе мы потерпим нелепое кораблекрушение».

При этом 29 августа он писал Вальтейху: «Около тысячи членов во всём нашем объединении! Это пока все плоды нашей деятельности! Вот какие успехи, и это при том, что я измотался писать и говорить! Уважаемый Вальтейх, апатия масс поистине отчаянна!». «С такими огромными средствами интеллектуальной агитации, которые уже были применены, в народе, подобном французскому, [движение] уже имело бы огромные результаты!». Меринг замечает, что число сторонников не увеличилось в 7 раз по сравнению с Национальным обществом, а всего лишь менее чем на 5%. Следует, однако, отметить, что Маркс и Энгельс подчёркивали сильную мелкобуржуазную и ремесленную организацию Шульце-Делича.

Однако Лассаль не сдавался: он не только отказался распустить ВГРС, но, напротив, развил интенсивную пропагандистскую деятельность с целью штурма Берлина. Тактический поворот в направлении союза с Бисмарком относится именно к этому периоду – осени 1863 года.

В действительности, замечает Меринг: «Лассаль не преувеличивал, а уменьшал значение своей агитации. [...] То, что он бросал в массы, продолжало действовать не час, не день, не год. И главное дело его всё-таки удалось: он создал прочный скелет для могучей рабочей армии»⁵.

Более того, за один год число в тысячу членов, насчитывавшихся осенью 1863 года, вырастет почти в 5 раз, особенно в промышленных районах: Меринг сообщает, что из 4.610 членов, зарегистрированных осенью 1864 года, более половины приходилось на Рейнскую область (историк Дитер Фрике в своей книге 1987 года «Handbuch zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung» даёт другую оценку количества членов в августе 1864 года – 3.000–3.500 человек, что связано с непостоянством уплаты взносов рабочими). Так образовалось первое организованное ядро немецкой рабочей партии, и Маркс в письме к фон Швейцеру признал этот факт «бессмертной заслугой»⁶ Лассалья.

Конец Лассалья

Лассаль был убит на дуэли 31 августа 1864 года. Отношение к нему Маркса и Энгельса было сложным, что вытекает из переписки Маркса и Энгельса как о личной и теоретической ограниченности Лассалья, так и о его политических заслугах. 4 сентября 1864 года Энгельс писал Марксу: «Каков бы Лассаль ни был как личность, как литератор, как учёный, но что касается

политики – это был, несомненно, один из самых значительных людей в Германии. Он был для нас в настоящем очень ненадёжным другом, в будущем – довольно несомненным врагом, но всё же становится очень больно, когда видишь, как Германия губит всех сколько-нибудь дельных людей крайней партии. [...] Но что за оригинальный способ лишиться жизни: серьёзно влюбиться [...] в дочь баварского посланника, желать на ней жениться, вступить в конфликт с получившим отставку соперником [...] и позволить убить себя». Энгельс сожалеет об опрометчивом поступке, типичном для легкомысленного и сентиментального Лассалья: «Как мог такой политический деятель, как он, стреляться с каким-то валашским авантюристом!»⁷.

7 сентября Маркс ответил: «Несчастье, происшедшее с Лассалем, мучило меня все эти дни. Ведь всё же он принадлежал ещё к старой гвардии и был врагом наших врагов. [...] Что касается обстоятельств, вызвавших его смерть, то ты совершенно прав. Это одна из многочисленных бестактностей, которые он совершил за свою жизнь. Вместе с тем мне больно, что в последние годы наши отношения были омрачены, – правда, по его вине. С другой стороны, я очень рад, что не поддавался подстрекательствам с различных сторон и ни разу не выступил против него во время его «года торжества» [периода на посту главы ВГРС]. «Чёрт возьми, отряд становится всё меньше, новые не прибывают»⁸.

Маркс и Энгельс, держа в уме перспективу создания партии интернационального класса, прежде всего, задавались вопросом о том, какова теперь будет судьба движения в Германии.

Апрель 2022 г.

1 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск четвёртый, 1896. С. 173.

2 – Там же. С. 201, 202, 205.

3 – Там же. С. 180.

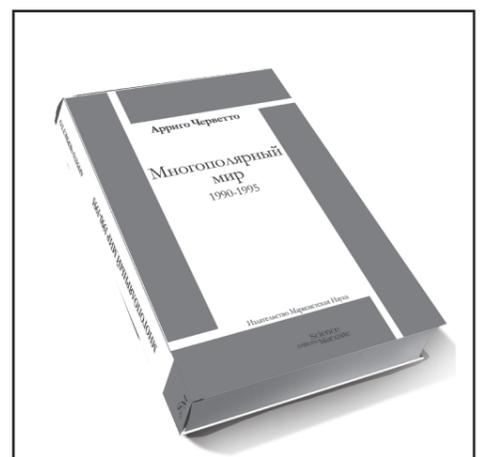
4 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск пятый, 1896. С. 195.

5 – Там же. С. 76, 190.

6 – К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 474.

7 – Там же. Т. 30. С. 349, 350.

8 – Там же. С. 351, 352.

Аригго Черветто МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИР

2006, 352 страницы, суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
библиография, хронология 1990-1995,
алфавитный указатель.
ISBN: 2-912639-21-2

Цена 300 руб.

Хроники Шёлкового пути

Решающее десятилетие для восхождения Дракона

В разговоре с Эдвардом Люсом из *Financial Times* Генри Киссинджер высказывает мнение, что Пекин размышляет на тему, как в будущем не оказаться «в ситуации, в какую поставил себя Владимир Путин» со вторжением на Украину, то есть в условиях кризиса, когда «большая часть» мира ополчилась бы против Китая. Бывший директор *Global Times* Ху Сицзинь первым сказал, что Китай мог бы научиться на ошибках российских руководителей. Уроки, которые Пекин выносит, касаются различных сфер.

Ветеран китайской монетарной власти Юй Юндина из Академии социальных наук указывает на уязвимость валютных резервов перед санкциями, аналогичными обрушившимся на Банк России, а также намекает американскому министерству финансов, что «в нынешних опасных геополитических реалиях, если ты не можешь защитить свои кредиты, ты в первую очередь не должен быть кредитором». По мнению декана Школы международных исследований Жэньминь в Пекине Цзинь Цаньжуна, Китай накапливал за рубежом финансовые активы быстрее, чем развивал возможности их защищать.

Экспорт и импорт

Данные МВФ указывают на сильную финансовую открытость Дракона, идущую параллельно с его империалистической экспансией в мире: китайские компании за рубежом ведут деятельность объёмом 9.300 миллиардов долларов, активы же иностранных компаний в Китае составляют сумму в 7.300 миллиардов; для Гонконга эти показатели – 6.400 миллиардов и 4.300 миллиардов соответственно.

В целом в настоящее время Китай приближается к финансовым позициям Японии, а также сокращает разрыв с США, которые размещают за границей

активы на 35.200 миллиардов, однако имеют пассивы на сумму в 53.300 миллиардов, что в глазах критиков «чрезмерно» влияния Китая на систему доллара предстаёт одновременно и как преимущество, и как уязвимость. На самом деле, хотя в отличие от США у Китая больше активов, чем пассивов, его позиция по-прежнему отличается отрицательным доходом – по мнению Юй Юндина, причина в том, что Китай держит американские облигации с низкой процентной ставкой, в то время как доходность иностранных инвестиций в Китае выше. С 2008 года китайский экспорт капиталов вырос с одной пятой до одной третьей американского благодаря буксиру прямых инвестиций в Шёлковый путь. По словам Юя, Пекину следует покупать больше облигаций в странах, производящих «стратегические ресурсы», – в Азии и Персидском заливе. Война на Украине снова открывает эту дискуссию в Китае.

С одной стороны, степень взаимного финансового проникновения с мировым рынком, достигнутая как посредством экспорта, так и импорта капиталов, вынуждает Дракона вооружаться, спускать на воду всё более мощные авианосцы и искать возможности для строительства военных баз за рубежом, если он хочет защищать, диверсифицировать и продолжать расширять свои интересы. С другой стороны, Китай принимает участие в мирном разделе мирового рынка, используя крепнущие экономические и политические рычаги, и продвигает «инклюзивную многосторонность», открытую для Европы, Индии и даже Соединённых Штатов: обе линии глубоко укоренены во внутрикитайской политической борьбе. Империалисты Дракона вынуждены пытаться усидеть на двух стульях мирного и военного восхождения, если хотят участвовать в разделе мира с другими разбойниками унитарного империализма.

Самым «серьёзным» вызовом предстаёт «мирное» восхождение?

По словам американского госсекретаря Энтони Блинкена, российская угроза «явная и насущная», однако вместо того, чтобы «ослабить международный порядок», она его укрепит. Потому США продолжают концентрироваться на «более серьёзном» испытании в долгосрочной перспективе: Китай является единственной державой, которая может иметь и намерение, и способность «пересмотреть порядок», но в отличие от России, он не «возвращает к жизни» старый порядок, а «угрожает» ему.

Блинкен косвенно отвечает Фреду Бергстену из Института Петерсона, по мнению которого, Китай является «скорее ревизионистской державой, чем революционной» в отношении к старому порядку. Более прямо он обращается к финансовой фракции американской крупной буржуазии. «Мы надеемся, бизнес-сообщество понимает, что ради доступа к китайскому рынку нам не следует жертвовать нашими ключевыми ценностями или конкурентными и технологическими преимуществами в долгосрочной перспективе. Мы рассчитываем на сотрудничество с нами бизнеса [...] в деле защиты и укрепления национальной безопасности». Речь госсекретаря в Университете Джорджа Вашингтона

можно считать первой полноценной формулировкой китайской политики администрации Байдена. Блинкен заявляет о «защите и реформировании международного порядка», основанного на «универсальных» ценностях, а не просто на «западных конструктах».

В игру ловко вступает пожилой автор редакционных статей «Жэньминь жибао» и аналитик Института Чунъян Дин Ган, который замечает: «То, что Соединённые Штаты называют международным порядком, в действительности представляет собой конкретное выражение американской идеологии». И добавляет связь с экспортом капиталов: «Проблема заключается как раз в том, что путь мирного китайского развития разрушает зависимость развивающихся стран от западного пути. По большому счёту, идеологическое соревнование заключается в том, кто может усилить собственную экономическую мощь посредством мирных рычагов».

Десятилетие движения к расколу

По мнению Блинкена, Пекин намерен «создать сферу интересов в Индо-Пацифике» и «стать первой мировой державой». Вашингтон «создаст стратегическое пространство вокруг Пекина», продвигая «открытую и инклюзивную международную систему»: новая формула заключается в том, чтобы «инвестировать» во внутреннее укрепление Штатов, «выравнивать» союзников и партнёров США и «соперничать» с Китаем; «Байден считает, что это десятилетие станет решающим».

Ректор Института международных исследований Фуданьского университета в Шанхае У Синьбо отмечает, что американские формулы подменяют европейскую трёхчленку «соревнования, сотрудничества и противостояния» с Китаем. А вообще, что касается «международной системы в грядущее десятилетие», определённое Байденом «решающим», эксперт предполагает: «Весьма вероятно, что оно [десятилетие] движется к расколу». Наблюдение касается не только выступления Блинкена. Формирование торговых, технологических и «монетарных» блоков, пожалуй, фрагментирует экономическую глобализацию; «система управления» оказывается «сильно ослабленной» «введением геополитических и идеологических элементов в глобальные организации»; наконец, «глобальная игра вокруг российско-украинского конфликта даёт такой сигнал»: международные отношения «всё больше разделяют мир на два противостоящих лагеря и ещё один нейтральный», или «промежуточный», который будет менять своё положение от случая к случаю. «Куда заведёт эта тенденция» – это зависит от отношений между США, Европой, Россией и Китаем. У также считает, что, как бы то ни было, Москва может только надпилить «американскую гегемонию»: «Формирование более равной системы будет зависеть по большей части от решений и действий Китая и других развивающихся стран».

Американская партия Фуданя

У также является директором престижного Центра американских

исследований в Фуданьском университете, основанном в 1985 году китайским физиком Се Сидэ. Симптоматично, что оценка возможного движения к «расколу» в ходе грядущего «десятилетия» звучит именно от одного из глашатаев «американской партии» в Китае, выступающего за «инклюзивную архитектуру безопасности» в Азии, которая включала бы и США. Основные свои тезисы У Синьбо изложил в книге 2017 года «Китай и шахматная партия в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Аналитик писал, что Пекин должен предотвратить формирование двух блоков вокруг США и Китая в Азии, поскольку раздел на блоки стимулировал бы «игры в треугольниках» азиатских акторов и привёл бы к тому, что отражения изменений мирового порядка накопились бы в «горячих точках региона».

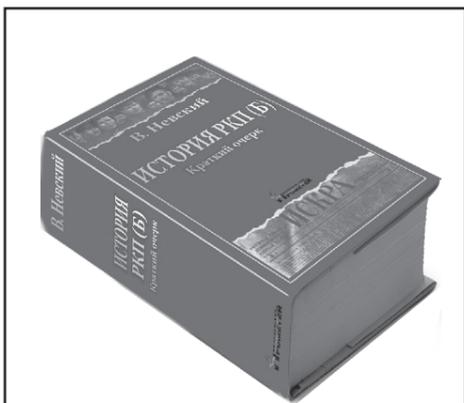
Китаю следует поддерживать Россию, но не входить с ней в антиамериканский альянс, который обострил бы отношения с Вашингтоном и не позволил бы использовать российское давление, чтобы заставить Штаты выбрать в пользу «нового типа отношений» с Китаем. В то же время Пекин должен предлагать экономическое сотрудничество Индии и «занимать» позицию «равновесия» в Азии. С одной стороны, У поддерживал перезапуск РИК (треугольника Россия – Индия – Китай), предложенного Евгением Примаковым в 1998 году с целью «компенсировать» расширение НАТО на Восток. С другой стороны, в рамках сотрудничества с Западом, подобно Ван Цзиси, он предлагал включить США на правах наблюдателя в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), деятельность которой фокусируется на Центральной Азии. Наконец, и «американская партия» Фуданя имеет свои «две руки», а тот же У не выступал против введения Зоны идентификации ПВО в Южно-Китайском море и против того, что это действие за собой несёт в военном плане.

Наклонное десятилетие Ван Вэня

На страницах посвящённого стратегическим исследованиям журнала Фуданьского университета У пишет, что Пекин, так или иначе, не должен отказываться от того, чтобы побудить Вашингтон «вернуться к сотрудничеству» посредством сильного рычага «финансовой открытости», стратегического диалога, который включал бы «военные соглашения», а также «выборочного сотрудничества в рамках стратегической конкуренции».

Систематическое исследование плюрализма политических линий китайского империализма показывает, что военные и мирные инструменты в его арсенале скорее сосуществуют, чем противостоят друг другу, но пропорция между ними постоянно меняется. Ректор Института Чунъян Ван Вэнь также замечает динамику. Он пишет, что по мере продолжения приближения китайского экономического масштаба к американскому «отношения могут стать более стабильными», и в то же время растёт вероятность «тотального сведения счётов».

Июнь 2022 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство АНО «ЦМИ «Новый Прометей», 2009 804 страницы, твёрдый переплёт, автобиография автора, приложения, статьи В. И. Невского «Ленин как материалист в своих ранних работах», «Философия мёртвой реакции», карты, схемы и иллюстрации, примечания, хронология, библиография, биографический справочник, справочник периодических изданий ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Ревизионистская Бразилия

Мы публикуем статью наших бразильских товарищей из газеты Intervenção Comunista.

Визит Жаира Болсонару к Владимиру Путину за неделю до начала войны в Украине стал выражением прагматизма бразильской буржуазии. Во время визита в Москву авантюристичный капитан имел в своём портфеле ряд вопросов, представляющих интерес для энергетического и военного секторов и особенно для агропродовольственной отрасли.

Поставки удобрений

По данным Национальной конфедерации сельского хозяйства, Бразилия «занимает четвёртое место в мире по экспорту сельскохозяйственной продукции [...], уступая только Европейскому Союзу, США и Китаю», а также является четвёртым в мире потребителем удобрений (наряду с Китаем, Индией и США), но при этом крупнейшим импортёром.

Президент Ембгара Селсо Моретти отмечает, что в настоящее время страна импортирует 85 % используемых удобрений, что соответствует 8 % от глобального потребления. В 2021 году основными поставщиками на бразильский рынок были Россия (22 %), Китай (15), Канада (10), Марокко (7) и Беларусь (6).

Фосфорные и азотные удобрения являются наиболее важными продуктами в товарообороте Бразилии и России, в 2021 году на них пришлось около 60 % бразильского импорта на сумму 5,9 млрд долларов. *El País* (16 февраля) подчёркивала коммерческий смысл визита, называя в качестве цели «обеспечение закупок [удобрений] по разумным ценам в момент, когда пандемия внесла хаос в мировые цепочки поставок».

Бразилия – агропромышленная держава, питаемая энергией около 15 миллионов рабочих отрасли. В первом квартале этого года объём их месячного оклада упал на 5 % по сравнению с прошлым годом несмотря на то, что именно сейчас в секторе наблюдается активное восстановление. В частности, в сельской местности 23 % заняты неформально, без каких-либо гарантий, питая эксплуатацию и сверхприбыли буржуазии, стремящейся увеличить свою долю на мировом рынке.

Экономическая война и эмбарго

С точки зрения доступа бразильской агропромышленности к удобрениям, ситуацию ещё более усложняет экономическая война между державами, последовавшая за началом российско-украинского конфликта. Бразильская дипломатия работает над тем, чтобы удобрения не попадали под санкции, в том числе со стороны правительства США. Однако из-за риска эмбарго банки отказывают в доступе к кредитам на проведение операций или делают их более обременительными, что усугубляет блокаду российских поставок из портов стран Балтии.

Так, с января по апрель, по данным *Companhia Nacional de Abastecimento* (Conab), хотя бразильский импорт по данной категории превысил прошлогоднее значение лишь на 6 %, стоимость оказалась на 147 % выше. В первом квартале этого года было зафиксировано снижение закупок удобрений в России на 9 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 года. Однако на долю России по-прежнему приходилось 22 % импорта за это время, несмотря на увеличение предло-

жения со стороны других стран, таких как Канада, Китай, Нигерия и Израиль.

Агропромышленная держава

В 2008 году, во время кризиса глобальных отношений, мы писали, что, пользуясь своим статусом агропромышленной державы, «благодаря росту цен на продовольствие» бразильские буржуазные фракции намерены «достичь беспрецедентных позиций» на мировом рынке. В какой-то мере то же самое можно сказать и сегодня, поскольку против России ведётся экономическая война, главным образом, со стороны США и ЕС.

На мероприятии, организованном в середине марта Счётным трибуналом муниципалитета Униан (Федеральный счётный суд) и FIESP (Конфедерация промышленности штата Сан-Паулу), президент Центрального банка Бразилии Роберто Кампос Нето утверждал, что конфликт между Россией и Украиной, изменив динамику «глобальных цепочек создания стоимости», может иметь положительные последствия для Бразилии, как в горнодобывающем секторе, так и «в продовольственном секторе: для Бразилии важно организовать поставки удобрений, потому что страна является экспортёром». Редакционная статья в *O Globo* является показательным примером того, как фракции бразильского империализма могут извлечь из этого выгоду: в частности, в ней подчёркивается «открывшаяся в результате войны возможность» для «увеличения экспорта продовольствия» (23 мая).

С другой стороны, по оценке Goldman Sachs, из всех последствий войны на Латинскую Америку положительное влияние окажет только рост цен на сырьевые товары. Но лишь частично, поскольку, хотя это и увеличит доходы экспортёров сырья, это также подогреет инфляцию. Согласно докладу банка, совокупный эффект от войны в Европе является «рецессионным и инфляционным, что приблизит Латинскую Америку к стагфляционному сценарию в 2022 году». От буржуазии также поступают сигналы, которые должны стать тревожным знаком для профсоюзов. Вместо того, чтобы поддержать избирательную кампанию оппортуниста Лулы, они должны вновь запустить автономную классовую борьбу за повышение заработной платы и улучшение условий жизни.

Двойная игра внешней политики

Помимо прагматических интересов агробизнеса и сырьевого сектора в целом, существует и стратегический интерес Бразилии по отношению к России. В первые дни войны Бразилия осудила российские действия в Совете Безопасности и Генеральной Ассамблее ООН, но в других голосованиях Бразилия удерживала свой тон, воздержавшись от голосования в Совете по правам человека ООН под председательством Саудовской Аравии. С точки зрения *Valor Econômico*, «Бразилия стремилась найти баланс между позицией США и их союзников по НАТО и той, которую занимает путинская Россия».

Обозреватель новостного сайта UOL Джамиль Чаде говорит о сильном давлении со стороны западных держав, требующих от Бразилии пересмотреть свою позицию по поводу войны: «Американские и британские дипломаты возглавили наступление, надеясь, что Бразилия присоединится к западному блоку, добивающемуся полного прекращения войны и изоляции Владимира Путина на международной арене».

В середине апреля министр экономики Пауло Гедес в Центре стратегических и международных исследований (CSIS) защищал позицию Бразилии против экономических и финансовых санкций, введённых против России, заявив, что Бразилия выступает против исключения страны из МВФ. В ответ на просьбу о «поддержке», высказанную в письме его российского коллеги Антона Силуанова несколькими днями ранее для недопущения «дискриминации [России] в международных и многосторонних финансовых институтах», Гедес в рамках аргументации бразильской оппозиции данным мерам использовал в политических целях конституцию страны, заявив, что она не позволяет поддерживать санкции, не одобренные ООН. Дело в том, что до сих пор отстаивание необходимости укрепления институтов мультилатерализма являлось постоянной чертой внешней политики Бразилии. На площадке Большой двадцатки (G20), к примеру, Бразилия выступила с единых позиций с Индонезией, Китаем и Индией, чтобы предотвратить исключение Москвы из блока.

Декларация министров иностранных дел БРИКС

В совместном коммюнике министров иностранных дел стран БРИКС по итогам встречи 19 мая было отмечено, что развивающиеся державы разделяют точку зрения G20: министры «напомнили о поддержке расширения и укрепления участия развивающихся стран и государств с формирующимся рынком в процессах принятия международных экономических решений и установления норм». Кроме того, подтверждая свою поддержку ведущей роли G20 в глобальном экономическом управлении и подчёркивая, что «Группа двадцати» должна сохранить свою целостность и отвечать на текущие глобальные вызовы, они также отправили послание старым державам, и, в частности, Соединённым Штатам о сохранении членства России в группе.

Нынешняя позиция Бразилии демонстрирует преемственность по украинскому вопросу. В 2014 году, при правительстве Дилмы Руссефф, бразильская дипломатия хранила молчание по вопросу аннексии Крыма. Бывший тогда дипломатом, а сейчас являющийся президентом Нового банка развития (НБР), банка БРИКС, Маркос Тройхо в своей колонке в *Folha de S.Paulo* (28 марта 2014 года) критиковал «моральную гибкость» Бразилии: страна «хочет укрепить платформу глав государств и институциональную конструкцию БРИКС, [участники которого] ведут переговоры о Новом банке развития [...] Москва является важной частью этой динамики. [...] По этому украинскому вопросу Бразилия играет в дурачка». Почти четыре месяца спустя в Форталезе состоялся шестой саммит БРИКС, в ходе которого был создан НБР. Молчание для Бразилии было удобным.

В совместном заявлении министров иностранных дел стран БРИКС делается акцент на отсутствии стремления к созданию блока против Запада, но в то же время и на необходимости реформировать «глобальное управление».

Стратегические интересы ревизионистских держав

Два суждения помогают понять позицию бразильского империализма в кризисе порядка. Мартин Вулф, главный экономический обозреватель *Financial Times*, считает, что в долгосрочной перспективе, «в ближайшие

10–15 лет», произойдут «геополитические и геоэкономические изменения (в связи с войной)». Вулф является одним из популяризаторов концепции мира, который будет двигаться «к эпохе геополитических конфликтов между демократиями и автократиями», что приведёт к появлению «двух блоков [...]: центрально-западного и состоящего из стран, близких к Китаю и России».

В рамках такой динамики государства будут склонны пересмотреть свои торговые отношения, и большинство будет заинтересовано в хороших отношениях с обеими сторонами; «Бразилия будет желать этого по коммерческим причинам, сохраняя свою автономию». Такой запутанный сценарий «может длиться долго и быть очень глубоким»: «Бразилия должна стать одной из экономик, которые пострадают от этого сценария в наименьшей степени. Это большая страна, удалённая от основных действующих лиц. [...] США не будут напрямую вмешиваться в бразильские дела. Китай тоже не будет. Благодаря своим размерам и экспорту страна сможет продолжать практиковать свободно торговать с обеими сторонами».

Другое суждение принадлежит бывшему послу в США и редактору журнала *Interesse Nacional* Рубенсу Барбозе. В своей колонке в газете *Estado de S.Paulo* от 22 февраля, то есть написанной ещё до начала военных действий, он оценивает положение Бразилии в БРИКС. Барбоза обращает внимание, что «беспрецедентный союз между Россией и Китаем “без ограничений” содержит прямую ссылку на БРИКС», в смысле «углубления стратегического партнёрства, продвижения и расширения сотрудничества в трех областях: политика и безопасность, экономика и финансы, гуманитарная поддержка». Этот «стратегический альянс», «благодаря политическому и экономическому весу этих стран, может стать важной вехой в мировой геополитике, поскольку он делает очевидным конец гегемонии США и утверждение альтернативного многополярного мира. Бразилия не может не занять свою сторону в этой новой реальности, особенно в связи с упоминанием роли БРИКС».

Классовый интернационализм

Экономические группы, связанные прежде всего с энергетикой, горнодобывающей промышленностью и производством продуктов питания, «облизываются» и обсуждают, как использовать цивилизованное варварство войны. Продовольственный кризис в мире – это бизнес-возможность для бразильской империалистической буржуазии, в целом выигрывающей от пересмотра глобального порядка.

Бразилия является частью многополярного порядка как ревизионистская держава, стремящаяся воспользоваться преимуществами «новой эры» глобальных отношений, в которых больше нет гегемонии империализма США и старых империалистических держав.

Пролетарский интернационализм – это единственное решение, способное остановить дрейф колоссального мирового цикла вооружений, войн и растущих массовых убийств, вызванных изменением отношений власти между державами. Пролетариат должен использовать своё численное превосходство в обществе, чтобы стать силой среди сил, разорвать цикл насилия, эксплуатации и резни империализма.

Борьба с коронавирусом

Ложная отправная точка международного сотрудничества

Первая международная конференция по здравоохранению состоялась в Париже в 1851 году, положив начало длинной череде попыток сотрудничества в борьбе с эпидемиями. Холера заняла место чумы и оспы в качестве самой страшной болезни в Европе. В течение XIX века одна за другой последовали шесть пандемий, поразивших Азию, Европу и Северную Америку. Колониальные войны и перемещения войск, рост торговли и ускорение морского и наземного транспортного сообщения вынесли инфекцию за пределы Индии. На Западе она нашла благоприятные условия для распространения.

Историк медицины Фрэнк Сноуден пишет, что промышленная революция создала идеальную среду для развития эпидемии: «хаотичная урбанизация», «запущенные и переполненные кварталы с недостаточным и непостоянным водоснабжением, плохое жильё, недостаточное питание, повсеместная грязь и отсутствие канализации» («History of Epidemics», 2020). Именно в таких условиях вынуждены были жить пролетарские массы, что в совершенстве описано Фридрихом Энгельсом в «Положении рабочего класса в Англии».

Социальные болезни

Тем не менее, улучшение условий жизни населения не было центральной темой ни упомянутой конференции, ни последующих. Когда в 1830-х годах вспыхнула первая пандемия, государства отреагировали введением принудительных мер, таких как санитарные кордоны и карантин, в попытке предотвратить проникновение болезни извне. В странах действовали разнообразные санитарные правила и ограничительные

предписания, особенно в отношении путешественников. Именно стремление минимизировать ущерб для международной торговли побудило к поиску соглашений по вопросам регулирования и стандартизации карантинных мер, главным образом на море. По этой причине и была создана первая конференция, длившаяся шесть месяцев при участии 11 европейских стран и Турции: четыре из них представляли собой части всё ещё разделённой Италии.

Каждое государство было представлено двумя делегатами – врачом и дипломатом, которые были «совершенно не осведомлены об этиологии [причинах] и способах передачи заболеваний, которые они обсуждали», пишет Норман Говард-Джонс в «Les bases scientifiques des Conférences sanitaires internationales 1851-1938» (ВОЗ, Женева, 1975).

Из трёх рассматривавшихся болезней – чумы, жёлтой лихорадки и холеры – только последняя представляла реальную угрозу. Холерная палочка ещё не была открыта, её причина и способ передачи оставались на тот момент неизвестными и являлись предметом жарких споров. Во многих странах доминировали теории, отвергающие заразность инфекции, такие как «теория миазмов», полагавшие причиной болезни ядовитые испарения из дурно пахнущей почвы. Отрицание возможности передачи холеры от человека к человеку служило основой для противодействия карантинным мерам, и британская морская держава стала одним из самых ярких противников «арестов» судов, защищая свободное судоходство от практики, которая рассматривалась как бесполезная и, прежде всего, «губительная для торговли».

В целом, в странах Северной Европы теории, отрицающие заразность, имели большую силу, в то время как страны Средиземноморья, которые больше пострадали от чумы, были склонны признавать заразность и вводить морские карантинные (Уильям МакНилл, «La peste nella storia», 1981).

Австрийский делегат на первой конференции, являвшийся врачом, заявил, что, в то время как чума поражала всех без разбора, холера в основном настигала «несдержанных, особенно пьющих, беспутных, дряхлых стариков, ослабленных долгими болезнями» (сегодня мы говорили бы «ослабленных субъектах»). Тем самым угроза болезни могла стать стимулом избавиться от вредных привычек (Н. Говард-Джонс, указ. соч.).

В своём цинизме эти представители истеблишмента невольно ставили под сомнение нечеловеческие условия жизни беднейших слоёв населения. В отличие от других болезней, таких как чума, которая распространялась на все социальные слои, холера в сущности была «типичным примером «социальной болезни», имеющей тенденцию поражать бедных в условиях, характерными чертами которых являются плохое жильё, нехватка воды, перенаселение, грязь, недоедание и небрежность» (Ф. Сноуден, указ. соч.).

Миазмы капитала

В 1844 году молодой Энгельс в работе «Положение рабочего класса

в Англии» детально задокументировал условия эксплуатации, проживания, недоедания, в которые были поставлены поколения рабочего класса, стоявшие за богатством и великолепием «фабрики мира» того времени. Он выступил с их осуждением на основании многочисленных исследований взаимосвязи между условиями жизни в кварталах, где царил «неописуемая нищета»¹, и распространением болезней, таких как тиф и холера.

Делегаты конференции не рассматривали эту проблему. И всё же даже без точного знания этиологии холеры, санитарно-гигиенические средства были определены эмпирическим путем, хотя бы из страха того, что эпидемии распространятся на «жилища имущего класса». Энгельс писал: «Я уже говорил выше о небывалой активности, проявленной санитарной полицией во время холеры в Манчестере. Когда эта эпидемия стала надвигаться, ужас охватил всю буржуазию города. Сразу вспомнили о нездоровых жилищах бедноты и задрожали при мысли, что каждая из этих трущоб станет очагом заразы, откуда болезнь может распространить своё опустошающее действие по всем направлениям, проникая в жилища имущего класса. Была тотчас же назначена санитарная комиссия для обследования этих районов и составления точного отчёта о их состоянии для городского совета»².

Почти пятьдесят лет спустя, в предисловии к изданию 1892 года, Энгельс признал, что «всё повторяющиеся вспышки холеры, тифа, оспы и других эпидемических заболеваний показали английскому буржуа настоятельную необходимость улучшения санитарного состояния его городов, если он хочет спасти себя и свою семью от опасности пасть жертвой этих болезней. Поэтому самые вопиющие злоупотребления, описанные в этой книге, в настоящее время или устранены, или же сделаны менее заметными»³. Но в то же время «целые районы, которые я в 1844 г. мог бы описать как почти идилические, теперь, с ростом городов, пришли в такое же состояние упадка, запустения, нищеты. Не встретишь больше только свиней да куч отбросов. Буржуазия достигла дальнейших успехов в искусстве скрывать бедствия рабочего класса. Но в отношении жилищ рабочих никакого существенного улучшения не произошло»⁴. Говоря о произошедших изменениях, Энгельс ссылается на рассмотрение вопроса Марксом в I томе «Капитала», где даётся «подробное описание положения рабочего класса в Англии около 1865 г., то есть в то время, когда промышленное процветание Англии достигло своего кульминационного пункта»⁵.

Подобные ситуации можно было наблюдать и в европейских странах, менее развитых в промышленном отношении по сравнению с Англией, от Парижа до Неаполя. «Пример Неаполя XIX века особенно показателен», – пишет Сноуден. Эпидемии холеры в Неаполе американский историк уделил особое внимание. «Инфекционные заболевания поражали почти исключительно ту часть города, в которой проживали низы», те нездоровые переулки, где скученность, бедность и грязь образовывали «зону смерти».

В «здоровых кварталах [...], где проживали состоятельные общественные слои», существовал «многолетний иммунитет от опустошения болезнями» (Ф. Сноуден, указ. соч.).

«Научные» расчёты

Несмотря на доминирование теории миазмов, на первой Международной конференции, как и на шести последующих, вплоть до заключения первого международного санитарного соглашения, из протоколов, с которыми ознакомился Говард-Джонс, не следует, что обсуждались санитарные меры по борьбе с холерой на европейской территории. Спор был связан с вопросом о том, как предотвратить её ввоз с Востока. Центральным аспектом являлся морской карантин, который, по мнению оппонентов, препятствовал торговле и не достигал своей цели. Эффективность давно обсуждавшегося временного ареста судов, на борту которых находится инфекция, вероятно, была переоценена, поскольку холера прибывала в Европу по земле.

«Международное сотрудничество» предлагалось с единственной целью – устранить или хотя бы уменьшить экономический ущерб, возникающий из-за клубка множества санитарных норм, введённых в разных странах. Научная точка зрения, когда на неё вообще ссылались, была, однако, второстепенной. В ироничном комментарии немецкого медицинского журнала после шестой международной конференции по здравоохранению, состоявшейся в Риме в 1885 году, по поводу британского упорства в отрицании значимости холерного вибриона, который был выявлен к тому времени, указывается на «поражительное совпадение коммерческих интересов Англии и её научных убеждений» (Н. Говард, указ. соч.).

Первая конференция завершилась одобрением морских карантинных мер против холеры 15 голосами при четырёх воздержавшихся и четырёх против, включая Великобританию, Францию и Австрию. Однако проект Санитарной конвенции так и не был принят, вследствие чего результат голосования оказался недействительным.

В течение 41-летнего периода между первой конференцией и седьмой в 1892 году, когда была утверждена первая Международная санитарная конвенция, попытки сотрудничества между европейскими государствами регулярно чередовались с военными столкновениями, которые изменили лицо Европы: от Крымской войны до русско-турецкой войны 1877 года, с двумя войнами за независимость Италии и франко-прусской войной в промежутке между ними. На фронте рабочей борьбы революция во Франции в 1871 году привела к созданию Парижской коммуны, были основаны Первый (1864) и Второй (1889) Интернационал.

Июнь 2022 г.

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ «Новый Прометей»» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.
ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 2. С. 264.

2 – Там же. С. 300.

3 – Там же. Т. 22. С. 329.

4 – Там же. С. 330.

5 – Там же. С. 331.

Международное сражение в автопроме

От ремесленничества
к слоанизму

Нашей путеводной нитью в проследивании эволюции процесса производства автомобильной промышленности является та, которая была указана Карлом Марксом в тринадцатой главе первого тома «Капитала», «Машины и крупная промышленность».

В ней Маркс показывает нам, как формы разделения труда перешли от кустарного производства товаров к кооперации, к мануфактуре, к крупной промышленности. В изменении организации производства существует биологический эволюционный принцип, Маркс рассматривает эту организацию как живой организм в продолжающейся трансформации, где наука, техника и управление являются производительными силами, подчинёнными отношениям капиталистического производства.

Необходимо отметить, что значение термина «мануфактура», используемое Марксом, не соответствующее распространённому употреблению. Фридрих Энгельс писал в предисловии к английскому изданию 1883 года: «*Есть, однако, одно неудобство, от которого мы не могли избавиться читателя. Это – употребление некоторых терминов в смысле, отличном от того, который они имеют не только в обиходе, но и в обычной политической экономии. [...] всё производство, за исключением сельского хозяйства и ремесла, охватывается без разбора термином мануфактура. Тем самым стирается различие между двумя крупными и существенно различными периодами экономической истории: периодом собственно мануфактуры, основанной на разделении ручного труда, и периодом современной промышленности, основанной на применении машин*»¹.

Мы проследили, расширив до автомобильной промышленности, концепцию Маркса об эволюции различных форм производства, связанных воедино.

Предприятие является ремесленным, когда весь комплекс работ совершается тем же человеком, который непосредственно использует орудия, к примеру, рубанок или пилу. Кооперация – это когда группа ремесленников концентрируется под одной крышей для экономии постоянных расходов. Мануфактура вводит разделение труда в ремесленную систему: каждый ремесленник в одних и тех же условиях выполняет одну специфическую работу. В мануфактуре уже существует внешний организационный принцип, регулирующий производство: капитал берёт на себя рабочие процессы. В крупной промышленности разделение труда основано на машинах: рабочий подчиняется им, капитал полностью овладевает процессом труда. С помощью мёртвого труда, т. е. основного капитала, капитал доминирует над живым трудом наёмного рабочего.

Производство автомобилей следует аналогичному эволюционному процессу. Первые из них были произведены изобретателями, квалифицированными мастерами, которые соединяли различные компоненты, найденные на рынке. На следующем этапе под руководством предпринимателя-изобретателя, обычно финансируемого аристократами, землевладельцами, предпринимателями и профессионалами, автомобили собирались на фабриках с производством на «островах»², где рабочие устанавливали двигатель, трансмиссию, колеса и другие компоненты; в соответствии с их специализацией они перемещались с одного «острова» на другой для выпол-

нения одной или нескольких операций. Рабочие были «наладчиками», умелыми мастерами, которые приспособивали различные – ещё не взаимозаменяемые – части автомобиля друг к другу. При производстве продукции на «островах» рабочие проходили около трех километров в день.

Мастера координировали работу, а инженеры и управляющие практически не имели отношения к рабочему процессу: их роль редко выходила за рамки проектного управления или бухгалтерского учёта. Производительность труда была низкой, но прибыль компании была высокой, потому что это было производством роскоши.

От тейлоризма к фордизму

Тейлоризм, раскрываемый Фредериком Тейлором (1856–1915) в его тексте «Принципы научного управления» 1911 года, доводит разделение труда до крайности: изучаются все движения, которые производят рабочие в процессе труда, разбирая и организуя по секундам стандарт времени исполнения. Петер Дракер (1909–2005), один из самых влиятельных экспертов в менеджменте, в интервью *IndustryWeek* 22 сентября 1998 года заявил, что сегодня в промышленности «*производство всё ещё полностью опирается на Тейлора [...] люди, которые говорят, что Тейлор перестал быть актуальным, никогда не читали его*».

Фордизм, или массовое производство, содержит тейлоризм, в смысле максимального разделения труда, но он имеет также другой важный элемент: стандартизацию и взаимозаменяемость компонентов. В 1908 году Форд выпустил известную Model-T, важную веху в мировом автомобилестроении, поскольку он использовал взаимозаменяемые детали, хотя его сборка всё ещё производилась на «островах».

С введением в декабре 1913 года сборочного конвейера организация производства меняется: рабочий стоит, в то время как собираемый объект перемещается на конвейере. С конвейером время сборки автомобиля было уменьшено с 12,5 часов до 1,5 часов, с увеличением производительности труда более чем в 8 раз! Так как требованием капитала было сокращение времени труда на единицу продукции, сборочный конвейер с взаимозаменяемыми деталями резко снизил время производства и заставил Форда резко снизить цены, чтобы увеличить объём продаж и накопить сверхприбыль.

Дракер пишет: «*Революция массового производства, на которой до сих пор основывается большинство мануфактур, рассматривала человека как обслуживающую машину, которая его и контролировала. Она также основана на предположении, что машина производит, а человек некавалифицирован и запрограммирован машиной*».

Существенное соображение, которое Дракер не приводит, – это то, что порабощение человека машиной выражает отношения между социальными классами: машина сама является продуктом человеческого труда, и кто ею владеет, как частный капиталист, так и государство, использует её в качестве средства доминирования над наёмными работниками. Работа становится для наёмного работника чем-то психологически невыносимым, от чего хотелось сбегать, пыткой, рабством: с фордизмом это будет компенсировано массовым потреблением,

которое притупляет совесть и заставляет её пассивно принимать господство капитала. Массовое потребление является следствием массового производства.

Фордизм вводит дополнительный элемент в отношении «островного» производства: производственное планирование. Но и это уже рассматривали Маркс и Энгельс: именно крупная фабрика вводит планирование внутри себя, в противоположность рыночной анархии конкуренции между отдельными предприятиями.

«*Среди стихийно сложившегося, беспланового разделения труда, господствующего во всём обществе, он установил планомерное разделение труда, организованное на каждой отдельной фабрике; рядом с производством отдельных производителей появилось общественное производство*» (Ф. Энгельс, «*Анти-Дюринг*») ³.

Конвейерное производство требует точного планирования не только количества необходимых компонентов, но и потока самих компонентов, то есть детального исследования времени движения даже самых элементарных процессов, чтобы избежать производственного хаоса. Тысячи разных деталей должны прибыть на место сборки синхронно: достаточно отсутствия одной, чтобы вся цепь остановилась, или был собран неработающий автомобиль. Форд решил проблему, накапливая огромные запасы деталей.

Планирование требует бюрократической организации, характерной для этого момента особой организации государственных и военных сил: наёмных работников помещают как солдат в рамки бюрократической структуры, которая навязывает им фабричную дисциплину; «*железную клетку*» по определению социолога Макса Вебера (1864–1920).

Если посмотреть на сущность научного управления, то на сегодняшний день ничего не изменилось. «*Железная клетка*» бюрократии не исчезла, она лишь упростилась с введением клетки более обезличенной, но не менее гнетущей: электронная клетка компьютерной сети, которая осуществляет свою деспотичную власть не только над рабочими фабриками, но и в сфере так называемых «услуг» – от банковского работника до кассира супермаркета.

От фордизма к слоанизму

Следующим шагом в 1920-х годах стал слоанизм, основными чертами которого являются финансовая централизация, многоотраслевая организация и диверсификация продукции. По мнению Альфреда Слоана (1875–1966), крупные организации были слишком сложными, чтобы ими мог управлять один человек, каким бы способным он ни был, или даже один исполнительный комитет. Необходимо было установить объективные формальные структуры, которые продолжали бы существовать независимо от личных особенностей менеджеров компании. Форма организации на General Motors (GM), состоящая из нескольких дивизионов, позволила примирить эти два различных момента: с одной стороны, начальнику подразделения предоставлялась полная самостоятельность и ответственность в управлении производством своего отдела, с другой – финансовая организация была централизованной.

Маркс указывает: «*Само капиталистическое производство привело к тому, что труд по надзору, совершенно отде-*

лённый от собственности на капитал, всегда предлагается в избытке. Поэтому сделалось необязательным, чтобы этот труд по надзору выполнялся капиталистом. Нет никакой необходимости в том, чтобы капельмейстер был собственником инструментов оркестра; в его функцию как дирижёра не входит также обязанность иметь дело с «оплатой» прочих музыкантов»⁴.

GM демонстрирует, что в условиях крупной промышленности капиталистический класс становится излишним для функционирования общества: менеджеры управляют, но не решают проблемы компании; производительные силы являются общественными, власть принятия решений относится к капиталу, будь он частный или государственный. Если Форд рассматривал предприятие как свое собственное создание, расширение собственной индивидуальности, то со слоанизмом происходит диалектическая инверсия: организация капиталистического предприятия подавляет отдельную индивидуальность; это финал предпринимателя, который уступает место бюрократии, менеджменту.

Если в процессе капиталистического развития постоянно возникают новые предприятия, новые виды деятельности, новые предприниматели, то при экономических кризисах они ликвидируются циклическими процессами концентрации, ведущими к образованию крупных промышленных и финансовых комплексов.

GM также ввёл планирование ежегодной смены моделей: автомобильная промышленность ушла от жёсткого массового производства фордизма к гибкому массовому производству слоанизма. Для GM автомобили должны были удовлетворять не только потребности в транспорте, но и психологические потребности потребителя: «*автомобиль по средствам*»; те, кто имеет больший доход, могут лучше удовлетворить свои психологические потребности, выбрать красный автомобиль вместо серого или внедорожник вместо седана. Благодаря GM, социальная психология входит в процесс производства автомобилей.

Крупное многоотраслевое предприятие включало в себя как стандартизацию и взаимозаменяемость фордизма, так и диверсификацию продукции. Слоан сочетал жёсткую пуританскую финансовую дисциплину с отрицанием протестантского духа сбережений, ежегодно корректируя модели, чтобы дразнить потребителей. Автомобиль мог продаваться как выражение личности покупателя, как символ его социального статуса, а не только как «полезное» средство передвижения. Концепция полезности терпит неудачу: чем отличается полезность Ferrari от Golf? Что полезно? Что является излишеством? В производстве товаров значение имеет цена; реальный предел – это доход, необходимый для получения желаемого продукта. А если его нет, есть потребительский кредит: подтверждается марксова концепция товарного фетишизма.

Декабрь 2021 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 31–32.

2 – Рассеянная мануфактура.

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 280.

4 – Там же. Т. 25 Ч. 1. С. 425.

Атом и индустриализация науки

Синтетический каучук в военном арсенале

«Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще [...]. В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹.

Каучук и война

Наука и техника – это производительные силы, посредством которых человеческий вид взаимодействует с природой; они детерминируются исторической эволюцией экономической общественной формации и детерминируют её. Не существует абстрактной научной свободы: индустриализация науки, которую англосаксонские учёные и историки науки называют «*большой наукой*», – это форма, которую она принимает в фазе исторического развития, соответствующей крупной промышленности, интернационализации капитала, борьбе между великими державами на мировой арене.

Решающим для победы союзников над державами «оси» во второй мировой войне был проект синтетического каучука, хотя он гораздо менее известен, чем Манхэттенский проект и атомная бомба.

Появление автомобиля механизировало транспорт и вооружённые силы; в связи с этим каучук стал незаменимым элементом промышленной и военной мощи. Во время второй мировой войны для постройки самолёта требовалось полтонны резины, для танка – тонна, для линкора – 75 тонн, а шины были необходимы для любого типа транспортных средств, от мобильной артиллерии до джипов и транспортных грузовиков, а также самолётов (American Chemical Society, “United States synthetic rubber program, 1939–1945”, 1998).

В 1939 году натуральный каучук в долларовом выражении был для США самым импортируемым сырьём: 500.000 тонн, 98 % из которых поступали с Дальнего Востока. В 1941 году из-за Пёрл-Харбора и оккупации Японией

Восточной Азии поток зарубежных поставок натурального каучука был прерван, что нанесло серьёзный удар по американской экономической и военной мощи: единственным возможным решением было промышленное производство синтетического каучука (Ver-non Herbert, Attilio Bisio, “Synthetic rubber, a project that had to succeed”, 1985).

Натуральный и синтетический каучук

В 1745 году французский исследователь Шарль-Мари де ла Кондамин (1701–1774) сообщил, что индейцы Южной Америки используют для производства обуви особое вещество: это был натуральный каучук, полученный из определённого вида дерева.

В 1823 году Чарльз Макинтош (1766–1843), шотландский химик и изобретатель, открыл в Глазго завод по производству водонепроницаемой одежды. Около 1830 года в США стали популярны резиновые туфли, резиновые бутылки и плащи: в 1859 году потребление натурального каучука в США составляло 1500 тонн. Именно автомобильная промышленность и изобретение шины вызвали взрывной рост мирового потребления каучука: с 1915 по 1941 год оно выросло со 156 тысяч до 1,3 миллиона тонн, причём 60 % приходилось на США.

В первые две трети XIX века натуральный каучук поступал в основном с Амазонки; в 1876 году британский исследователь сэр Генри Викхэм (1846–1928) привёз из Бразилии 70.000 семян гевеи бразильской, каучукового дерева, и 2800 из них были посеяны в Королевском ботаническом саду в Лондоне. Вслед за успехом этого эксперимента были созданы первые плантации каучуковых деревьев на Шри-Ланке, с похожими на Амазонку климатическими условиями. Подобные плантации были созданы в Малайзии, Индонезии, Индокитае, на Филиппинах и Борнео, тем самым Юго-Восточная Азия стала главным поставщиком натурального каучука. Монополистами были британский империализм и Нидерланды. В ответ государства, опоздавшие к разделу мира, такие как Германия, попытались путём научных исследований найти синтетические материалы для замены природных ресурсов, поступающих из колоний.

В 1906 году немецкая компания Bayer начала исследования по созданию синтетического каучука. Русский царь, опасаясь прерывания поставок натурального материала, учредил приз для того, кто изобретёт метод производства искусственной резины. Его в 1910 году выиграл Сергей Лебедев (1874–1934): российский химик смог выработать синтетический каучук с помощью зернового спирта, однако из-за промышленной отсталости России того периода его изобретение не нашло производственного применения.

В 1916 году, в условиях британской военно-морской блокады, немецкие лаборатории Bayer и BASF получили метиловый каучук: неэластичный и непригодный для шин, он, однако, подходил для производства батарей и другого электрического оборудования. Падение цен на натуральный каучук после первой мировой войны привело к потере интереса к синтетическому заменителю.

В 1925 году в результате слияния немецких компаний Bayer, BASF и Hoechst возник конгломерат IG Farben. Рост цен на натуральный каучук породил научные исследования в области синтетического. В 1926 году в лабораториях IG Farben был получен Buna-N (название состоит из bu, обозначающего бутадиен, и na, химического символа натрия). Он представлял собой синтетический каучук более низкого качества по сравнению с натуральным. В 1929 году в лабораториях компании был изобретён Buna-S (полимеризация бутадиена и стирола), который при смешивании с техническим углеродом приобретал физические свойства, превосходящие натуральный каучук, и его можно было использовать для изготовления шин. Недостатком были высокие производственные затраты, которые выдавливали его с рынка из-за конкуренции с натуральным каучуком.

Вуна и тетраэтилсвинец

В 1920-х годах развитие автомобильной промышленности вызвало опасения грядущей нехватки нефти. В Германии IG Farben провёл обширные исследования процесса гидрирования под высоким давлением для экстракции синтетического бензина из угля; этой технологией заинтересовалась американская нефтяная компания Standard Oil of New Jersey (ныне ExxonMobil). Поиск альтернатив своей продукции является постоянным элементом стратегии крупных финансово-промышленных групп: позднее, после нефтяных кризисов 1970-х годов, Exxon инвестировала в исследования, связанные с разработкой аккумуляторов для электромобилей.

В 1929 году Standard Oil of New Jersey и IG Farben начали сотрудничество с целью взаимного обмена патентами и технологиями: за 2 % акций Standard Oil IG Farben передала ей права на применение гидрогенизации за пределами Германии.

Открытие нефти в Техасе и Оклахоме уменьшило интерес Standard Oil к синтетическому бензину, но не к технологиям гидрогенизации, которые компания посчитала значимыми для повышения эффективности процессов нефтепереработки. В 1930 году была создана Joint American Study Company (JASCO), совместное предприятие Standard Oil и IG Farben (50 на 50 %) для изучения и разработки новых производных нефти и угля. Соглашение затрагивало также синтетический каучук. К 1940 году у JASCO было около 2000 патентов.

Американской химической компании DuPont было что предложить немецким военным, чтобы получить патенты на Buna: тетраэтилсвинец, присадка к бензину, необходимая для предотвращения преждевременной детонации в двигателях внутреннего сгорания с высокой компрессией, особенно авиационных. Патент принадлежал General Motors, а производством занималась Ethyl Gasoline Corp., совместное предприятие General Motors и Standard Oil с равными долями владения. В свою очередь, General Motors контролировалась компанией DuPont (G.D. Taylor, Patricia E. Sudnik, “Du Pont and the international chemical industry”, 1984). В 1938 году DuPont получила патент на Buna-S от IG Farben, и в том же году Ethyl Export Corp., британ-

ское отделение Ethyl, экспортировало в Германию тонну тетраэтилсвинца, необходимого немецкой авиации для поддержки вторжения в Чехословакию (Joseph Borkin, “IG Farben”, 1978).

Предвоенные годы

В период между первой и второй мировыми войнами американские компании, занимающиеся производством резины, также интересовались лабораторными исследованиями синтетического каучука: большое количество патентов имели Firestone Tire & Rubber Company, B.F. Goodrich Company, Goodyear Tire & Rubber Company, United States Rubber Company и Thiokol.

В 1930 году Thiokol построила первый в США завод по производству синтетического каучука на продажу. В 1933–34 годах исследования в этой области начала Goodyear; в 1935 году двое исследователей компании отправились в Германию и добыли два образца Buna-N и Buna-S: информация, полученная в лаборатории в результате изучения этих образцов, стала основой будущей работы Goodyear. В период между 1935 и 1941 годами Уалдо Семон (1898–1999) из B.F. Goodrich Company вместе со своей группой провёл 14.492 эксперимента в рамках проектов, связанных с синтетическим каучуком: было получено 111 полимеров, из которых только 6 были потенциально пригодны для крупномасштабного промышленного производства.

Военная мобилизация

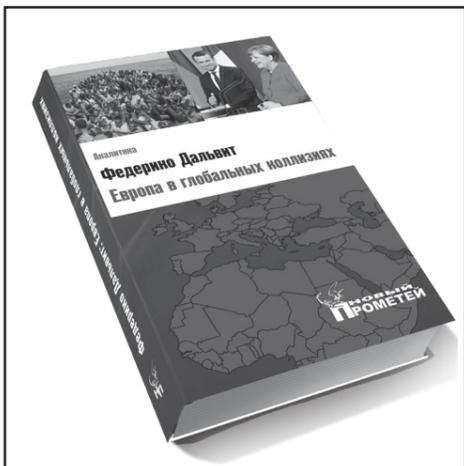
Первый завод по производству синтетического каучука в Европе был построен в России в 1932 году по технологии Лебедева. В Германии первое предприятие, где материал производился в промышленных масштабах в соответствии с разработками IG Farben, начало работу в 1937 году; оно было запущено в рамках четырёхлетнего плана национал-социалистического правительства от 1936 года, поставившего задачу самообеспечения бензином и резиной.

В 1938 году, накануне второй мировой войны, запасы натурального каучука в США составляли 231.000 тонн, чего хватало бы на шесть месяцев. В следующем году Комитет по боеприпасам сухопутных войск и военно-морских сил заявил Сенату, что каучук является жизненно важным сырьём.

1 сентября 1939 года Германия вторглась в Польшу, а в 1940 году в США было создано Управление по чрезвычайным ситуациям (ОЕМ) для мобилизации промышленных ресурсов на нужды войны. Подкомитет, Комиссия по резиновой промышленности, должен был стимулировать промышленное производство каучука для военных целей: оно началось после 1941 года – года атаки на Пёрл-Харбор. И хотя американская программа по производству синтетического каучука менее известна, чем Манхэттенский проект, она удостоилась описания в качестве «самой эффективной комбинации правительства, промышленности и научных кругов, когда-либо встречавшейся в американской истории» (V. Herbert, A. Bisio, *op. cit.*).

Сентябрь 2018 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. соч. Изд. 2. Т. 13. С. 7.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт,
примечания, биографический
справочник, библиография,
хронология,
указатель периодических
изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Токио вооружается “реализмом для новой эры”

Как отмечает *Nikkei Asia Review*, с самого 24 февраля, после начала войны на Украине, на слуху фраза японского премьера Фумио Кисиды: «Сегодняшние события на Украине могут завтра повториться в Восточной Азии». В конце мая газета посвятила первую страницу «реалистской дипломатии для новой эры» – формуле, которой премьер стремится охарактеризовать новую линию Токио, обозначенную «разрывом с десятилетиями статус-кво во внешней политике» Страны восходящего солнца.

Реалистская концепция международных отношений, продолжает *Nikkei*, отличается «глубоко пессимистичным» взглядом. Согласно ей, определяющим фактором международного порядка, а также внутренних дел государств, является баланс сил. В применении к военным политикам реализм основывается на «сдерживании», осуществляемом собственными силами или совместно с союзниками. В мире после Украины «идеалистский пацифизм», отличающий японскую послевоенную конституцию, оказывается не просто «рассинхронизированным [с реальностью]», но и «иллюзорным».

Дозировка Кисиды для “десятилетия жизни в опасности”

По мнению этого авторитетного издания, владеющего даже британской газетой *Financial Times*, принятие на вооружение в Токио линии *realpolitik* представляет собой «решительный разрыв с послевоенной японской идентичностью». С момента поражения в 1945 году Япония не оказывалась перед лицом «серьёзной угрозы войны». Рисуя перспективу «новой эры», Кисида заявляет о возможности того, что «также и Восточная Азия окажется перед риском конфликта» большого масштаба. Речь идёт о том, что мы определили как бурное десятилетие, а бывший австралийский премьер-лейборист Кевин Радд называет «десятилетием жизни в опасности» – так он перефразировал Сукарно, индонезийского президента в 1964 году (“*The Avoidable War*”, 2022).

По мнению Тэцуо Котани из Японского института международных отношений (JIА) (мозгового центра, связанного с японским министерством иностранных дел), Кисида пытается откалибровать линию Страны восходящего солнца и найти консенсус между течениями собственной партии и между фракциями буржуазии. Будучи лидером одной из фракций ЛДП, традиционно считающейся «группой голубей», он пытается «завоевать на свою сторону консерваторов», объединяя «свою политику с традиционным реализмом, который стремится к балансу сил». Термин «новая эра» он подсмотрел у Берлина с его *Zeitenwende*, однако также вторит китайским формулам и, похоже, хочет «разбавить ястребиные акценты», выдвинувшиеся на первый план с момента утверждения его кандидатуры на титул преемника Синдзо Абэ. «[Однако] в свете войны на Украине, – заключает Котани, – вероятно, он снова будет подчёркивать реалистский тон».

На самом деле «обращение» Кисиды и Токио к реализму держав отражает, по мнению *Nikkei*, «затухание чувства безопасности», исторически связанного с отношениями с Вашингтоном, а также то обстоятельство, что ныне любая угроза в Восточной Азии рассматривается как прямая. Понимая, что Вашингтон ожидает от Японии способности принять более активную роль в рам-

ках альянса, Кисида пытается также «объединить Азию и добиться доверия остального мира».

Из “голубей” в “совы”

Исторически либерально-центристское и “интернационалистское” течение, которому принадлежит Кисида, так называемая «школа Ёсиды», не сбрасывала со счетов реализм в отношениях между державами. Сигэру Ёсида работал дипломатом, а кроме прочего породнился с важной дворянской семьёй Империи. Что касается послевоенной деятельности, Ёсиду часто сравнивают с европейскими лидерами, такими как Альcide де Гаспери и Конрад Аденауэр, поскольку он добивался возвращения японского суверенитета через экономическое восстановление. Согласно нашему многолетнему анализу – это путь «долгого восхождения» в условиях «вынужденных, асимметричных и нежелательных отношений» с Вашингтоном. В отличие от Берлина, который «победил в политической и стратегической войне, последовавшей за 1989 годом, ухватившись за европейское объединение», Токио не создал региональную азиатскую зону в 90-е годы; его положение дополнительно усложнилось вторжением китайского гиганта и процессом японского империалистического созревания, отмеченного комбинацией кризиса интернационализации и кризиса нарушения равновесия в 1991–2013 годы. В формуле «потерянного десятилетия» наш анализ выявил условия японского стратегического тупика. Мы сделали такой вывод: в отсутствие войны или кризиса, которые перевернули бы систему отношений в Азии, японский империализм мог бы выйти из тупика, только подтвердив «игру баланса Вашингтона» и «более не равные отношения с Пекином» (De Simone G. *Il Giappone e la crisi*, 2009).

Спустя десять с небольшим лет мы можем наблюдать, что Токио перевалил часть собственного политического нарушения равновесия и что изменение глобальных балансов открывает перед ним новые пространства для манёвра, учитывая экономическую силу и стратегическое положение Японии, а также упадок атлантических держав, которым, однако, затронута и она сама, начиная с глубокой демографической зимы. Если говорить языком американской дихотомии ястребов и голубей, дозировка Кисиды, похоже, является линией совы, «мудрого хищника», который пытается утвердить Японию в роли средней державы, способной влиять на балансы между державами континентального масштаба.

Различие в интересах

Asahi Shimbun приводит оценку представителей ЛДП: довести военные расходы до планки в 2 % ВВП – это «способ остаться в игре», разворачивающейся в «многополярной Азии», то есть в Азии, не находящейся под гегемонией Китая, которая является частью «многополярного мира». *Asahi* предупреждает, что реализм Кисиды слышится сблизается с позициями Вашингтона: мир и стабильность в Азии не могут быть сохранены только «проведением политики конфронтации», которая концентрируется на военной силе, призванной сдерживать китайскую экспансию. Не стоит также осуществлять и экономический *декаплинг* от Пекина под предлогом обеспечения экономической безопасности. Хотя отношения с Вашингтоном остаются «краеугольным камнем» япон-

ской внешней политики, которая должна «решительно укрепить собственный оборонный потенциал», Токио должен также иметь «собственную независимую политику в отношении Китая», «более широкую, чем американская». Украинский конфликт показывает, что может произойти, если проводить «стратегию сдерживания против великой державы», основывающуюся только на силе. Если бы европейские страны-члены НАТО сумели «построить новый порядок», включающий Россию, история могла бы сложиться иначе. Таким образом, Токио должен убеждать Вашингтон, чтобы тот «затормозил движение в сторону всё большего соперничества с Пекином», откуда пытается «гарантировать мирное сосуществование».

Nikkei повторяет мысль бывшего посла в Вашингтоне Рёдзо Като: мысль о том, что «японо-американский союз или НАТО» вечны, «является иллюзией», созданной сорока годами противостояния США и СССР. Между членами альянса должен располагаться «осязаемый клей», демонстрирующий необходимость его сохранения в национальных интересах государств.

Тормозильщик сокровищницы

По словам Кунихико Миякэ, бывшего дипломата и советника по внешней политике при Абэ и Кисиде, премьер-министр ещё не решил, в самом ли деле увеличить военные расходы до 2 %. Он синтезирует существующее противостояние внутри ЛДП между сторонниками бюджетной строгости и адептами перевооружения через расширение бюджета. Среди последних выделяется Абэ, который выступает за финансирование первого этапа пятилетия перевооружения размером в 60 млрд долларов с 2023 года – такой объём уже был достигнут в 2021 году, – но с использованием дополнительных государственных расходов, так что итоговая сумма получится на 7 млрд долларов больше, чем в 2020 году, таким образом будет обеспечен рост на 12 %.

Как замечает *Le Monde*, самоограничение до планки в 1 % ВВП на оборону, введённой в качестве «предварительной нормы», имеет символическую политическую ценность как выражение «конституционного пацифизма». По мнению *Mainichi*, такой пацифизм служил «тормозом, ограничивающим [военные] расходы», которые в 30-е годы благодаря использованию государственных облигаций «неконтролируемо расширялись». Получается, это «урок», который вынесла послевоенная Япония. Как пишет *Asahi*, чтобы найти ещё 5 трлн иен, нужных для достижения 2 %-ной планки, требуется увеличить косвенный налог (НДС) как минимум на 2 процентных пункта.

По мнению консервативной газеты *Yomiuri*, «среда безопасности» вокруг Японии делает «увеличение оборонного бюджета важнейшим вопросом», и Токио не может осуществить его путём «неконтролируемых государственных расходов», чересчур раздувая бюджет; если угодно, то дискуссия должна фокусироваться на том, каким образом тратить, чтобы эффективно противостоять тем или иным испытаниям. Исторически функцию финансового и политического тормоза перевооружения исполняла бюрократия Министерства финансов, редактировавшая бюджетные предложения Министерства обороны, оснащённого собственным ведомством только с 2007 года.

Можно провести аналогию между японским одним процентом и британской формулой *ten-year rule*¹. Принятая в 1919 года, она навязывала ограничения военным расходам Лондона на основе постулата, что в ближайшее десятилетие “крупная война” маловероятна. Норма была предложена Уинстоном Черчиллем, на тот момент министром флота, и с 1929 года, когда он служил канцлером казначейства, сделана им постоянно действующей. Формула была отменена в 1932 году после японской интервенции в Маньчжурию, но оставалась в действии вплоть до 1937–1938 годов в силу последствий глобального экономического кризиса.

Голоса доверия вооружённым силам “превентивной самообороны”

По мнению японской прессы, на переговорах с Байденом, а затем в интервью на форуме в Сингапуре, организованном лондонским мозговым центром IISS, Кисида с его реалистской дипломатией и программами перевооружения получил «голоса доверия» стран мира. В конце июня он примет участие в саммите НАТО в Мадриде – беспрецедентный шаг для японского премьера. В Сингапуре Кисида уточнил, что «линия Японии, страны-сторонницы мира, останутся неизменной». Усилия правительства укрепить оборонный потенциал, в том числе контратакующий, останутся в рамках «конституционных ограничений и международного права», чтобы «не изменить базовые роли и общую миссию» Вашингтона и Токио в рамках альянса безопасности.

По мнению *Nikkei*, уточнения Кисиды, идущие наперекор американским ожиданиям, призваны «утихомирить страхи» перед японским чересчур стремительным перевооружением, особенно среди азиатских стран. Если, по мнению *Yomiuri*, в сингапурской речи премьер сделал «дальнейший шаг в деле разрыва с послевоенным пацифизмом и выхода из тени Америки», то он, похоже, также услышал замечания, озвученные на страницах *Asahi* и *Mainichi*. Если вооружение контратакующим ракетным потенциалом рассматривается как возможность осуществлять «превентивную самооборону» – формула, выдвинутая ещё в 1956 году, – то и акцент “совы” Кисиды также делается как раз на укреплении самообороны.

Июнь 2022 г.

2 – Правило десяти лет.

ИВАН БАБУШКИН РАБОЧИЙ-БОЛЬШЕВИК

2010, 204 страницы, мягкий переплёт. 6 карт и 11 иллюстраций по тексту; хронология, биографический справочник, алфавитный указатель.
ISBN 978-5-9901606-5-1

Цена 150 руб.

Российские хроники

Кремль повышает градус мирового противостояния

В начале 2004 года в статье “Зарисовки на тему российской экономики” мы выдвигали следующую двуединую гипотезу: «Россия будет всё больше и больше втягиваться в межимпериалистическую борьбу. Хищные, агрессивные, экспансионистские настроения всё больше будут преобладать среди российских империалистов. Именно на этих интересах империалистической буржуазии будет формироваться идеология, которую различные новые реинкарнации российского социал-шовинизма и социал-предательства будут стремиться преподнести в качестве спасения для российского пролетариата».

Эта гипотеза целиком и полностью реализовалась: член одного из ведущих мозговых центров российской буржуазии, принадлежащего к так называемой “реалистической” школе, – Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), Дмитрий Тренин ещё в августе 2019 года констатировал: «Россия, на рубеже XXI в. почти стиснутая счетов в мировом раскладе сил, спустя полтора десятилетия вернулась на глобальную арену в качестве одного из крупных и наиболее активных геополитических и военных игроков»¹. Ключевые и “успешные”, по мнению Кремля, направления этого “возвращения”, такие как военное присутствие в Сирии и “решение” крымского вопроса встретили поддержку всех политических сил российской разновидности парламентского кретинизма. Так, КПРФ, главная оппозиционная партия и по совместительству традиционный и самый крупный резервуар «российского социал-шовинизма и социал-предательства», высказалась тогда предельно ясно: в Сирии РФ была «вынуждена выступить в роли миротворца», а присоединение Крыма – это «историческое событие: восстановление порушенной державы, мирное, демократичное»².

Мы же в апреле 2014 года писали: «Борьба вокруг Украины является частью мирового противостояния, сегодня представляющего собой конфронтацию держав континентального масштаба. Одна Россия не обладает экономическими и демографическими возможностями, сравнимыми с Евросоюзом, но в рамках Евразийского союза приблизилась бы к ним. Именно вокруг этого разыгрывается карта Украины. Разделённые границами и идеологиями пролетариата вновь платят своими жизнями и страданиями за мечту, взращенную буржуазными СМИ».

24 февраля этого года наступил новый этап этого противостояния, но прежде чем перейти к его рассмотрению, обратимся к нашей рекогносцировке баланса сил на начало 2000-х годов. Нами подтверждалась конвергенция России и Европы, признаками которой были тенденции, отмеченные в марте 2004 года в статье “Европейское притяжение российского империализма”. Приведём эту стратегическую оценку: «[...] развитие финансовых отношений между Россией и европейским империализмом является средством, создающим условия для тесной взаимосвязи российского и европейского внешнеполитического курса».

Что изменилось с тех пор? Почему сегодня из Кремля звучат заявления о том, что окно в Европу закрыто? Так, глава российского МИД 16 июня в интервью НТВ утверждает: «Европа исчезла из наших приоритетов». Почётный председатель Президиума СВОП Сергей Караганов идёт дальше и пишет, что «от Запада ничего хорошего мы больше не получим», и поэтому сражаемся с этим самым Западом, «бросившись, надеюсь, в последнюю в его истории атаку» (“Аргументы и Факты”, 13.06.2022).

Другой представитель отечественного политического реализма Тимофей Бордачёв в июльско-августовском номере

журнала “Россия в глобальной политике” обращается к концепции “Москва – Третий Рим” и подводит историко-теоретическое обоснование под тезис о том, что дихотомия, разделившая в XIX веке российскую интеллигенцию на западников и славянофилов, не является константой отечественной истории: «[...] на имеющих наиболее фундаментальное значение этапах развития Российское государство могло решать центральную проблему выживания без взаимодействия с европейскими державами». Следовательно, и сегодня в условиях непреодолимого раскола с Западом, считает Бордачёв, Россия, опираясь на свою географию и «глобальные масштабы» (“Профиль”, 8.06.2022), способна стать самостоятельным центром силы.

Для российского антизападничества и поворота на Восток, безусловно, имеются материальные основания: существенные подвижки во внешней торговле, начатый Европой энергетический переход и цифровизация всё это сокращает время и пространство для манёвра у Кремля. Но, очевидно, что мотивы специальной военной операции (СВО) нельзя сводить к экономическому детерминизму. В Кремле нарастало ощущение дискомфорта, которое Сергей Караганов выразил следующим образом: «С конца 2000-х воинственность против России стремительно нарастала. Конфликт казался всё более неизбежным. Вероятно, Москва решила действовать на опережение, чтобы иметь возможность диктовать его условия. Это экзистенциальный конфликт для многих современных западных элит, которые сейчас терпят неудачу и теряют доверие населения. Чтобы отвлечь внимание, им нужен враг» (The New York Times, 19 июля 2022).

В дальнейшем мы вернёмся к весьма интересной теме мировосприятия российского правящего класса и попытаемся разобраться, чего в нём больше: идеологии, то есть иллюзорного отражения действительности, или же фантомных болей. Пока же отметим, что в Кремле не удовлетворены существующим мировым порядком и намерены его изменить. Но обладает ли он для этого необходимыми ресурсами и возможностями?

Как мы писали в октябре 2014 года – и это остаётся верным и сейчас – в целом у Кремля нет широкого выбора инструментов для укрепления позиций в мировом противостоянии, его промышленно-экономические возможности значительно уступают военно-политическим. Красной нитью через все наши публикации последнего десятилетия проходил тезис о хронических проблемах в экономике российского империализма, недостаточной скорости реструктуризации его промышленного аппарата, относительно небольших размерах ведущих крупных групп.

Всё это обуславливает относительную слабость Москвы на мировой арене, однако это не означает, что прав старший научный сотрудник вашингтонского Института международной экономики Андрес Ослунд, сравнивавший современную Россию с Мексикой: вопреки механистическому видению буржуазного объективизма марксизм утверждает, что связь между надстройкой и базисом обладает достаточной степенью гибкости, и это позволяет, в частности, российскому империализму, грамотно используя свои сильные стороны, в какой-то мере компенсировать экономическую слабость; кроме того, существует наследие предыдущего баланса сил и вытекающие из него политические амбиции и качество персонала соответствующих держав, не говоря уж о том, что и экономические сектора неравнозначны с точки зрения империалистической

конкуренции. Всё это привело к тому, что российскому империализму, традиционно имеющему слабые позиции на рынке потребительских товаров и высоких технологий, но конкурентоспособному в области сырьевых ресурсов, агропрома, ВПК, космической промышленности и атомном секторе (особенно в сфере “военного атома”), удалось продемонстрировать возможность использования в краткосрочной и среднесрочной перспективе этих секторов для того, чтобы приобрести политическую роль, которая является более значительной по сравнению с гораздо более сильными в общеэкономическом плане конкурентами (к примеру, Германией и Японией), не обладающими сравнимым уровнем развития отраслей, которые могут быть использованы для оказания непосредственного политического давления в международных отношениях, и не способными обеспечить необходимую централизацию своей политики (в том числе силовой) на внутреннем и международном уровнях и относительную автономию в рамках традиционных “альянсов”.

Сегодня российский империализм пытается разыгрывать карту ситуативных альянсов со всеми теми государствами – от Китая до Индии, от Бразилии до ЮАР, от Ирана до Индонезии, от Саудовской Аравии до Турции, – которые по тем или иным причинам претендуют на ту или иную степень автономии в существующем мировом порядке. И поэтому, пишет председатель Президиума СВОП Фёдор Лукьянов: «[...] качественно иное значение приобретает остальной мир, с которым Россия не находится в остром конфликте. За него фактически идёт борьба. Западу принципиально, чтобы незападные страны присоединились к бойкоту России. Москве необходимо противоположное. И как раз данное направление является теперь бесспорным приоритетом» (“Россия в глобальной политике”, 21.07.2022). Ему вторит, по всей видимости переживший с февраля по март значительные идеологические метаморфозы, Дмитрий Тренин: «Стратегическая линия России не должна быть направлена ни на ниспровержение существующего миропорядка во главе с США, ни на возвращение в старый западнотрихичный мир на новых – более благоприятных для себя – условиях. В плане миропорядка целью должно стать выстраивание новой системы международных отношений со странами Не-Запада и формирование в сотрудничестве с ними новой повестки дня для последовательного продвижения» (интернет-ресурс РСМД, 28.06.2022).

Хватит ли российскому империализму сил для того, чтобы стать одним из полюсов новой многополярности, или же экономика в конечном итоге заставит Кремль отказаться от заявленных амбиций? Время покажет. Пока же отметим, что и в российском экспертном сообществе нет уверенности в правильности избранного пути. Так, независимый военный эксперт Прохор Тебин в статье “Когда закончится Зима?”, опубликованной в мартовско-апрельском номере “Россия в глобальной политике”, пишет: «Россия имеет все возможности быть самостоятельной великой державой, но вряд ли способна вернуть себе статус сверхдержавы. Осознание этого стало одной из причин провозглашения Москвой идеи построения многополярного мира, к которой апеллировали довольно долгое время. Эта стратегия имеет право на существование, однако есть несколько противопоказаний. Например, многополярный мир, будучи комфортным для самостоятельных великих держав, связан с постоянной угрозой войн между великими державами и их коалициями. В условиях наличия ядерного оружия вой-

ны будут идти на периферии и затрагивать третьи страны, не обладающие ядерным оружием. Это побудит третьи страны или искать арбитра, способного обеспечить их безопасность, или стремиться к обретению ядерного оружия. Так что многополярность является весьма рискованным устройством мирового порядка».

В складывающихся обстоятельствах всё более реалистичной становится стратегия восстановления биполярного миропорядка путём образования блока с государством, имеющим шанс стать второй сверхдержавой и готовым предложить России партнёрство на выгодных условиях. Имеется в виду Китай. Сейчас формируются все предпосылки для этого».

Текущий баланс сил подталкивает Россию в направлении Китая, великодержавные амбиции Кремля сопротивляются этому. Второй тайм новой стратегической фазы предвещает всё более бурные времена. Это понимают и в экспертном сообществе Кремля. Так, Фёдор Лукьянов пишет: «Мир вступил в период фундаментальных трансформаций и изменений, и это будет сказываться на всём. Российско-западные противоречия – важный элемент, но отнюдь не единственный, он может быть, потом даже будет не центральным элементом перестройки. Да, она будет мучительной, болезненной и долгой. Ожидания, что сейчас всё как-то утрясётся или перетрясётся и наступит новый мировой порядок, необоснованны. Этого порядка, под которым мы понимаем стабильность, вообще не видно, он не просматривается никак» (“Россия в глобальной политике”, 27.06.2022).

Нам ещё предоставится случай вернуться к марксистскому разбору рефлексии и самовнушений правящего класса, националистические яды и империалистические идеологии которого отравляют и замутняют сознание пролетариата. Российский капитал увеличивает прибыли от продажи нефти и газа, дельцы ВПК, этой, если воспользоваться определением Энгельса, «человекоубойной промышленности»³, потирают руки в ожидании роста госзаказа, который в этом году должен увеличиться на 600–700 млрд рублей, в то время как пролетариев этой отрасли ждёт запрет на отпуска, особый режим труда в отдельных организациях, подразумевающий возможность привлечения к сверхурочной работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни. Своими жизнями и ухудшением условий труда и материального положения российский рабочий класс оплачивает историческую задержку ленинистской партии, но, обращаясь к опыту петроградских большевиков эпохи первой мировой войны, мы можем быть уверены, что те же самые материальные условия создают почву, на которой марксистская пропаганда может привести к росту классового интернационалистского сознания. Необходимым условием реализации этой возможности является наличие ленинистского ядра, которому, как писал рабочий-большевик Василий Каюров, потребуются «много уверенности, чтобы добиться перелома настроения рабочих»⁴.

Август 2022 г.

1 – Тренин Д. 20 лет Владимира Путина: трансформация внешней политики // Ведомости. 13 августа 2019.

2 – Делегация Госдумы примет участие в чествовании к пятой годовщине воссоединения Крыма с РФ // ТАСС. 15.03.2019.

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. Т. 31. С. 197.

4 – Каюров В. Н. Петроградские рабочие в годы империалистической войны. М., 1930. С. 49.

США пытаются создать индо-тихоокеанский блок “по выбору”

23 мая в Токио президент США Джо Байден в сопровождении премьер-министра Японии Фумио Кисиды и премьер-министра Индии Нарендры Моди запустил проект Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity (IPEF). К нему присоединился более широкий круг стран Азии, чем ожидалось. В дополнение к таким предсказуемым партнёрам, как Япония, Австралия и Новая Зеландия, США также удалось привлечь Индию, Южную Корею и семь наиболее развитых из десяти стран АСЕАН: Индонезию, Филиппины, Вьетнам, Таиланд, Малайзию, Сингапур и Бруней.

Символический успех

А уже 26 мая Белый дом приветствовал в качестве четырнадцатого члена-основателя IPEF Республику Фиджи. Похоже, это был ответ на кампанию Китая по распространению своего влияния на островах Тихого океана, данный сразу после того, как приглашение посетить Фиджи получил министр иностранных дел КНР Ван И. Включение небольшого архипелага Фиджи, который не имеет никакого экономического значения, усиливает общее впечатление, что инициатива по созданию IPEF следовала скорее дипломатической, чем торговой логике. Некоторые аналитики считают, что Байден одержал политическую победу, создав на самом старте IPEF большую азиатскую коалицию. Как считает вашингтонский CSIS, «возможно, самым удивительным элементом запуска является то, что в конце концов администрация выбрала более мягкую лексику в обмен на большее количество участников». Белый дом решил смягчить требования к участию, что стало неожиданным шагом, который «оказался успешным, по крайней мере изначально».

Потенциально IPEF может объединить огромную территорию с населением около 2,5 млрд человек и 40 % валового мирового продукта. По версии японской *Asahi Shimbun*, именно правительство Кисиды до последней минуты вело переговоры, чтобы убедить США смягчить свои предложения, сделав их приемлемыми для азиатских стран. Однако большинство международных оценок, даже со стороны крупных американских газет, остаются скептическими. IPEF пока не наполнен каким-либо определенным содержанием, это не соглашение о свободной торговле, он не предлагает большего открытия рынка США, не требует ратификации со стороны Конгресса и, следовательно, не гарантирует выживания Байдена на посту президента. По мнению многих, IPEF рискует оказаться «просто пустой оболочкой», пишет китайская *Global Times*.

Процесс на ранней стадии

С другой стороны, пустую оболочку всегда можно заполнить. На данный момент невозможно вынести полноценное суждение об IPEF именно потому, что сейчас речь идёт лишь о начале переговоров, причём в нетипичном формате. Проект опирается на четыре “столпа” (торговля, цепочки поставок, энергетика и инфраструктура, налоги и борьба с коррупцией), содержание которых ещё предстоит уточнить, и каждая страна может выбрать, к какому из них присоединяться. В различных критических комментариях отмечается, что именно подход à la carte (“по выбору”) предполагает слабое понимание странами-участницами

того, что будет происходить дальше. По словам советника президента США по национальной безопасности Джейка Салливана, это преимущество позволит Штатам действовать в разных направлениях «с разной скоростью». Белый дом дал себе на заключение сделки от 12 до 18 месяцев. Как отмечает ветеран торговой политики США Венди Катлер, «после успешного запуска администрация приступает к тяжёлой работе по наращиванию плоти на четырёх столпах инициативы».

Если учесть, что переговоры носят промежуточный и предварительный характер, то можно понять, почему многие азиатские страны согласились сесть за стол переговоров с Вашингтоном. Редактор журнала *The Diplomat* по Юго-Восточной Азии Себастьян Странджио пишет: «Даже если участие столь многих стран Юго-Восточной Азии является хорошим моментом для новой стратегии США, присоединение к IPEF совершенно ничего не стоит. В ближайшие месяцы мало кто рискует одобрить Framework и увидеть, к чему он приведёт и продолжит ли он своё существование после окончания срока пребывания Байдена в Белом доме».

Амбивалентность Индии

Важнейший результат, достигнутый Вашингтоном, – вовлечение в проект IPEF правительства Моди. Индия с её демографической массой континентального масштаба и растущим рынком не участвует в двух других крупных региональных торговых инициативах – Транстихоокеанском партнёрстве (ТТП) и азиатском Всестороннем региональном экономическом партнёрстве (ВРЭП). С учётом того, что Дели исторически сопротивлялся принятию любых внешних ограничений в виде международных экономических соглашений, некоторые опасаются, что IPEF, выиграв в объёме благодаря присутствию индийского гиганта, потеряет в содержании. «Включение Индии в IPEF особенно примечательно», – пишет Джеки Вонг из *Wall Street Journal*, – «учитывая, что эта нация всегда скептически относилась к открытию своих рынков. Она вышла из ВРЭП из-за потенциального воздействия на её фермеров и бизнес. Тот факт, что Индия желает присоединиться, возможно, является признаком того, что IPEF больше лает, чем кусается».

В индийской прессе перспективы IPEF воспринимаются с осторожностью. Очевидно, что этот проект создан в интересах США, тогда как «преимущества для Индии и других стран, которым нужен доступ к рынку, не ясны», предупреждает редакционная статья *The Hindu Business Line*. По данным *The Hindu*, подход индийского правительства носит исследовательский характер: «оно продолжит переговоры и посмотрит, к чему они приведут, но, как показывает пример ВРЭП, присоединение к запуску – это не то же самое, что присоединение к окончательному соглашению». Начнутся сложные многополярные переговоры, исход которых и должен показать, станет ли Индия частью IPEF, и если станет, то в качестве фактора его силы или слабости.

Обещание френдшоринга

Наибольшее недоумение в ситуации вокруг IPEF вызывает тот факт, что Вашингтон не использует одну из самых важных карт, находящихся в его распоряжении – предоставление азиатским экспортёрам более широ-

кого доступа к огромному рынку США. Любая гипотеза о либерализации торговли и дальнейшем открытии для международной конкуренции считается в Соединённых Штатах уязвимым местом для нападков в период электоральной кампании. Именно этот внутривнутриполитический аргумент администрация Байдена всегда использовала, чтобы исключить возможность возвращения США в ТТП, покинутое страной по решению Дональда Трампа.

Однако Белый дом приходит в Индо-Тихоокеанский регион не с пустыми руками. На презентации IPEF министр торговли США Джина Раймондо сделала привлекательное предложение. «Многие американские компании пытаются диверсифицировать свою деятельность, сокращая присутствие в Китае», они перенесут производство в другие азиатские страны, и те, кто принял высокие стандарты IPEF, «очевидно, будут иметь преимущество при получении этих сделок от американских компаний». В последующих заявлениях, подхваченных корейской прессой, Раймондо была ещё более откровенна: «Я могу заверить вас, что страны, подписавшие соглашение о Framework, будут первыми, кого американские компании будут рассматривать в регионе».

В этой версии IPEF становится инструментом френдшоринга – намерения администрации Байдена переместить цепочки поставок в союзные и “дружественные” страны. Потенциально это очень конкретное предложение, но оно может привести к серьёзным противоречиям, так как подразумевает, что существуют и “вражеские” рынки – например, китайский, то есть перспективу так называемого декаплинга, о котором для государств региона, похоже, не может идти и речи.

Запросы Азии

Главный экономический обозреватель *Wall Street Journal* Грег Ип оспаривает предложение министра Раймондо. «США стремятся уменьшить свою и мировую зависимость от китайских товаров, переместив цепочки поставок в более дружественные страны. Эта тенденция получила название “френдшоринг”. Но в отличие от ТТП, IPEF на самом деле не поощряет такую диверсификацию, потому что не расширяет доступ к рынку США, приоритетному для беднейших стран».

Ип приводит в пример некоторые давосские заявления министра торговли Индонезии Мухаммада Лутфи, который видит в развитии экспортной обрабатывающей промышленности решение проблемы экономического роста своей державы, население которой насчитывает 270 млн жителей. Десять лет назад Индонезия не была заинтересована в ТТП, но сегодня она заинтересована, так как, по словам Лутфи, «десять лет назад мы были не в состоянии производить миллион автомобилей в год, сегодня мы можем это». Вот почему IPEF должен подразумевать более широкий доступ к американскому рынку: «Я хочу, чтобы индонезийские автомобили ездили в Соединённых Штатах».

По той же причине IPEF не должен означать исключение Китая. Для азиатских “развивающихся” рынков перспектив выйти на американский рынок будет недостаточно, чтобы отказаться от китайского. Таков парадокс френдшоринга, продвигаемого

Белым домом, если его понимать с точки зрения декаплинга. Даже если предположить, что американские транснациональные корпорации перенесут некоторые заводы из Китая в страны зоны IPEF, эти производства не смогут обойтись без гигантского китайского потребительского рынка. Индонезия и другие азиатские правительства, участвующие в переговорах об IPEF, открыто призывают как к большому открытию рынка США, так и к неисклужению Китая.

Объективные веса

Показательно, что запуск IPEF сразу же встревожил немецкую прессу. *Han-delsblatt* и *Frankfurter Allgemeine Zeitung* осуждают проект эксклюзивного экономического клуба, нацеленного на политическую конфронтацию с Китаем: это объединение может стать угрозой для свободы региональной торговли и подвергнет риску такие державы-экспортёры, как Германия. Однако эти опасения, впрочем, как и любое другое суждение, преждевременны. Переговоры об IPEF находятся ещё в самом начале, проект пока ещё бесформенный. Будут ли в ближайшие месяцы и годы азиатские интересы склонять США в сторону традиционного торгового соглашения и, возможно, открытости по отношению к Китаю, как подразумевало ТТП, продвигавшееся Обамой? Или предвыборные расчёты Белого дома и Конгресса, напротив, приведут к созданию антикитайской коалиции? Решающим аспектом является то, что сегодня никто ни в Индо-Тихоокеанском регионе, ни в Вашингтоне не считает проект IPEF действенной заменой ТТП, которое уже действует и под руководством Японии должно будет рассмотреть вступление новых кандидатов, начиная с Китая и Южной Кореи.

Если IPEF имеет очевидные ограничения, то почему так много азиатских стран соглашаются в нём участвовать? Как уже упоминалось, начать переговоры с Вашингтоном и посмотреть, к чему они приведут, ничего не стоит. Предложение френдшоринга, подкреплённое участием крупных американских групп с их капиталом, может оказаться привлекательным. Кроме того, все государства региона имеют объективную стратегическую заинтересованность в том, чтобы вооружить себя противомесом китайской сверхдержаве. Так, Дэнсон Чеонг отмечает в сингапурской *Straits Times*: «Если и есть что-то, что должно беспокоить Пекин, так это уровень поддержки, которого добился Вашингтон, несмотря на то, что об IPEF известны лишь некоторые детали». Боязнь стран Азии стать «вассалами» Пекина весит больше, чем способность США к дипломатическому убеждению. Первоначальный успех IPEF в Юго-Восточной Азии, по словам Чеонга, «обнажает суровую правду, которую Китай должен принять: по мере роста влияния Пекина у Вашингтона также будет расти желание играть в качестве более сильного противовеса».

Чтобы расшифровать загадку многополярной торговой битвы в азиатском эпицентре напряжённости, сопровождающейся конкуренцией и растущим дублированием соглашений ТТП, ВРЭП и нового американского инструмента IPEF, необходимо использовать оптику противостояния держав.

Война и разделы

“Влияние кризиса на Украине на мир труда” – документ под таким названием был опубликован 11 мая Международной организацией труда (МОТ). Это первая оценка экономической цены войны для нашего класса, которая дополняет, очевидно, гораздо более трагические потери в виде человеческих жизней.

Цена войны для нашего класса

Первыми, конечно, расплачиваются украинские рабочие, потерявшие 4,8 млн рабочих мест, 30 % от 16 млн довоенных. Следует также учитывать, что из более чем 5 млн украинцев, покинувших страну, около 2,75 млн находятся в трудоспособном возрасте, а из них 1,2 млн были реально трудоустроены до отъезда, почти половина – на квалифицированных работах. Кроме того, на Украине насчитывается 7,7 млн вынужденных переселенцев в районы, не затронутые боевыми действиями. По общей оценке МОТ, боевые действия коснулись 70 % населения.

Расплачивается своей занятостью и класс наёмных работников в России. Закрытие или уход иностранных групп затрагивает их работников, даже если часто речь идёт о приостановке или передаче собственности российским предпринимателям с незначительными последствиями для рабочих мест. Тем не менее, по оценке “Ведомостей” (24 мая), в России осуществляют деятельность более 5 тыс. иностранных компаний и около 10 % всех рабочих мест в национальной экономике напрямую связаны с внешней торговлей и, следовательно, находятся под угрозой из-за санкций.

В том числе и в России первыми расплачиваются трудовые мигранты, в основном из Средней Азии. В 2020 году, пишет МОТ, общее число мигрантов составило 11,6 млн человек, и благодаря денежным переводам они внесли решающий вклад в экономику своих стран: например, в Кыргызстане он составил 31 % ВВП, а в Таджикистане – 27 %. Сейчас Всемирный банк оценивает падение денежных переводов в этих двух странах к концу 2022 года на 33 % и 22 % соответственно.

Глобальная цена

То, что это не просто “локальная” война, подтверждается её глобальными последствиями, первым из которых является “риск голода” из-за роста цен и трудностей с поставками зерна: по данным МОТ, в 2022 году «острый голод» может затронуть ещё 47 млн человек сверх “базовых” 267 млн. Пусть и не в такой степени, но от последствий не застрахованы даже “развитые” страны, где после двух лет пандемии и последующего восстановления в конце 2021 года «последствия кризиса на Украине могут ухудшить условия на рынке труда и свести на нет некоторые из достигнутых успехов».

Другой документ МОТ – “Монитор” от 23 мая – посвящён глобальным последствиям войны. Это периодическое издание, в котором оцениваются мировые тенденции в сфере занятости. Согласно расчётам, в 2020 году, то есть на пике пандемии, было потеряно 255 млн рабочих мест. 2021 год стал годом восстановления, хотя и не полного: в последнем квартале

нехватка рабочих мест по отношению к 2019 году составила 94 млн. Но в I квартале 2022 года это число вновь выросло до 112 млн. С одной оговоркой: в значительной степени это связано с новыми локдаунами в Китае, что оставляет открытой перспективу ухудшения ситуации, когда начнут ощущаться последствия войны; прогноз на II квартал – дальнейшее увеличение нехватки до 123 млн.

Цены и зарплаты: что за чем следует

В “развитых” странах наиболее очевидные последствия (не только зависящие от войны, но и усугубляемые ею) связаны с инфляцией и последующим снижением покупательной способности зарплат: уже в 2021 году восстановление ограничилось восстановлением лишь трети от 2,5 % потери доходов в 2020 году, а теперь существует риск, что зарплаты не будут поспевать за быстро растущей инфляцией (в мае она составила в годовом исчислении 6,9 % в Италии и 8,1 % в Еврозоне).

Вывод “Монитора” касается самой обсуждаемой сегодня темы: «Существует мало доказательств того, что заработная плата вызывает инфляционную спираль». И самое главное: «Для работников возможность получить более высокую заработную плату в ответ на растущую инфляцию [зависит] от их переговорной силы».

Вопрос о заработной плате настойчиво звучит в итальянских политических и профсоюзных дебатах. И всё это в условиях постоянной нехватки рабочей силы, особенно в некоторых типично сезонных секторах: говорят о 387 тыс. работников, требующихся в секторе туризма и общественного питания, 174 тыс. в торговле, 100 тыс. в сельском хозяйстве, причём в 40 % случаев их трудно найти (*La Stampa*, 30 мая). Среди причин директор *Sensis* Массимилиано Валери указывает на демографию (через 15 лет будет не хватать 5 млн людей трудоспособного возраста, предупреждает *Bankitalia*), а также на низкие зарплаты и неумеренное использование срочных контрактов (*Libero*, 23 мая). Более того, сама Конфиндустрия разоблачает себя, когда жалуется на «конкуренцию» доходов граждан в таких секторах, как туризм, что даёт представление о мизерном уровне заработной платы.

Неопределённый сезон заключения контрактов

Совпадение с контрактным сезоном должно дать возможность преодолеть эти ограничения. Первые шаги, однако, не обнадеживают. В стране насчитывается 1,1 млн сельскохозяйственных рабочих, из которых около миллиона – сезонные работники и только 100 тыс. – постоянные: новый контракт, рассчитанный на четыре года, предусматривает повышение зарплаты на мизерную сумму в 72 евро тремя частями. В ремесленном секторе строительной отрасли, а это 506 тыс. работников в 126 тыс. компаний, которые в 2021 году продемонстрировали рост добавленной стоимости на 13,6 % по сравнению с 2019 годом, предусматривается увеличение на 92 евро двумя траншами, но также и новые правила адаптации режима рабочего времени «к временным потреб-

Территория между Балтийским и Черным морями пропитана кровью войн и разделов, историческим противостоянием немецкой державы, Российской, Австро-Венгерской и Османской империй. В XX веке разделы империализма прочертили борозду вдоль этих многовековых линий разлома.

Поездка в Киев Эмманюэля Макрона, Марио Драги и Олафа Шольца войдёт в историю как открытие для Украины дороги в ЕС. Это займёт годы, придётся учитывать трудности конфедеративного Европейского Совета, где решения принимаются единогласно, будет много условий, которые Киев должен будет выполнить, но путь намечен. Под грохот пушек происходит раздел Украины между российским и европейским империализмом: Восток Москва закрепляет за собой военными средствами, а Запад завоёвывает Евросоюз с помощью потоков капитала и единого рынка, а также своей военной поддержкой Киева.

Ялтинская конференция в 1945 году санкционировала раздел Европы, опустошённой военной катастрофой, между американской и российской сферами влияния, в то время как *действительный раздел* позволял США эффективно поддерживать слабость России, чтобы сохранить Германию и Европу разобщёнными.

После распада СССР и ликвидации его сферы влияния в 1989–1991 годах произошёл *новый раздел*: на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов Восточная Европа волнами вступала в НАТО и Европейский Союз. Оставались и *серые зоны* этого разделения. На Балканах распад Югославии сопровождался разрушительным пожаром: несколько углей ещё догорают, но большая часть территории уже находится в ЕС или начала путь к членству. В Украине, Молдове, Грузии – всех республиках, входивших в состав СССР до 1991 года, европейское притяжение перекрывает влияние России в её *ближнем зарубежье*. Новая американская игра, в союзе с польской и балтийской оппозицией, помешала осуществиться своеобразному сожигательству между Россией и Европой; российская агрессия вывела на первый план бойню в балканском стиле, а идеи о нейтралитете и *буферном государстве* оказались отодвинуты.

При этом раздел Украины всё равно будет иметь ядовитые последствия. ЕС претендует на расширение вплоть до Киева и Одессы, по историческим землям Российской империи, и линия тектонического разлома не будет остывать. Молдова, предупреждают из Москвы, станет новой Украиной. Проблема не решена и не будет решена ещё много лет. Коммунистический интернационализм остаётся единственным путём.

ностям компании», очевидно, с учётом «возможных столкновений с профсоюзом» – звучит саркастично по отношению к сектору с 4 работниками в среднем на компанию.

Даже в некоторых секторах, где профсоюзы более активны, результаты не лучше: 90 евро для 120 тыс. работников общественного транспорта и 110 евро для железнодорожников, но эти правила полностью вступят в силу только с конца 2023 года. Конечно, это не доказательство способности к переговорам, к которой “взывает” МОТ. Контракт для работников химико-фармацевтической промышленности, который в секторе, нажившемся на пандемии, может похвастаться повышением на 204 евро, полученным даже без часовой забастовки, лишь указывает на неиспользованные возможности для борьбы.

В этих условиях утешать себя европейским законом о минимальной заработной плате равносильно тому, чтобы выбросить мяч на трибуну, т. е. обойти насущную проблему всеобщего повышения заработной платы. И весьма своевременно, поскольку цены уже выросли.

Необходима реакция класса

Николас Шмит, европейский комиссар по труду, полагает, что «говорить рабочим [что] требуется сдерживание

заработной платы – это неприемлемый ответ» (*La Stampa*, 30 мая). Однако со многих сторон звучит тревога по поводу взвинчивания спирали цен и заработной платы. Даже управляющий Банка Италии Игнацио Виско в своём годовом отчёте предостерегает от «напрасной гонки между ценами и зарплатами», поддерживая вместо этого практику правительства о единовременных выплатах.

Это не только итальянская тема. Немецкая газета *Die Zeit* от 5 мая сравнила эти два тезиса. Экономист Майкл Хютер утверждает, что от роста цен страдают и предприниматели, поэтому необходимо распределять расходы, например, договариваясь о нескольких разовых выплатах. Глава профсоюза работников сферы услуг *Ver.Di* Франк Вернеке отвечает: автоматизма не существует, цены будут расти только в том случае, если это позволит конкуренция, в противном случае предпринимателям придётся приспособиться к работе с меньшей прибылью; «для работников и профсоюзов нет причин сдаваться и снижать требования».

Остаётся задача дать классовый, а не отраслевой или только национальный ответ на проблемы, которые экономический цикл и международная напряжённость ставят перед всеми наёмными работниками.

СУТЬ
МОМЕНТА

Июнь 2022 г.

Евроатлантизм и иберийское нарушение равновесия

Мы публикуем серию статей из газет наших испанских товарищей El Internacionalismo.

Кризис в Украине является для Мадрида важным испытанием евроатлантизма. Правительство социалиста Педро Санчеса, возглавляемое коалицией ИСРП и "Унидас Подемос", в которую входят два министра от КПИ, в числе первых в ЕС откликнулось на призыв Вашингтона оказать хотя и ограниченную поддержку НАТО в сдерживании России.

Фрегат "Блас де Лезо" и несколько истребителей были подготовлены к переброске в Чёрное море и Румынию, несмотря на то, что поначалу "Подемос" выступила с робкими протестами в духе «нет войне». Как мы уже писали, Мадрид претендует на определённую роль в кризисе, пусть и второстепенную.

"100% Запад"

Перед лицом частичного равновесия заместитель редактора газеты *La Vanguardia* Энрик Хулиана размышляет: «Испания – это на сто процентов Запад. Испания является членом НАТО с самого начала, словно входит в число его основателей. А ИСРП занимает атлантическую позицию с 1946 года, когда она изнала Хуана Негрина», олицетворявшего просоветское течение. Народная партия (НП) – это «атлантическая партия, написанная в европейский консервативный порядок», и для них обеих возникает дилемма: «Может ли Испания претендовать на влиятельную роль в ЕС и в то же время уступить позиции партии, которая собирает в Мадриде основные националистические образования континента, во главе с Виктором Орбаном, сторонником институци-

онального разоружения Союза, в соответствии с российским видением европейской шахматной доски?» Именно так поступила "Вокс" в разгар кризиса.

На данный момент особая склонность Испании к атлантизму ещё больше подчёркивается пограничной позицией итальянской буржуазии, которая исторически «играет с другой стороной», что подтвердила встреча Владимира Путина с рядом лидеров крупных итальянских групп, вызвавшая «недовольство Брюсселя». Лиссабон, со своей стороны, находится на китайском «Новом Шёлковом пути» и в отношении украинского кризиса ближе к тезисам Берлина и Парижа, чем Вашингтона, но и для португальцев атлантическая ось остаётся ключевой.

Недавние парламентские выборы в Португалии и региональные выборы в Кастилии и Леоне дают представление об устойчивости иберийского евроатлантизма.

Стабильность в Лиссабоне

Лиссабон не проявляет никаких признаков отклонения от этих координат. Победа португальского социалиста Антониу Кошты достаточно весома (119 мест из 230), чтобы он мог больше не зависеть от своих бывших партнёров по коалиции, сформированной вместе с Португальской компартией (ПКП) и Левым Блоком (ЛБ). Сегодня эти партии сильно ослаблены, поскольку отказались одобрить финансовый закон правительства, который должен был направить средства Next Generation EU (NGEU), что побудило Кошту разыграть карту досрочных выборов. Социал-демократическая партия, основное оппозиционное образование, страдает от подъёма популистской партии "Шега" ("Хватит"), которая стано-

вится третьей силой в парламенте; но партии центристского спектра, от левого центра до правого, увеличивают свой общий вес со 198 до 207 мест в Конгрессе.

В нынешнем контексте, когда главным вопросом как для Лиссабона, так и для Мадрида является реализация реформ и инвестиционных планов, связанных с NGEU, победа Кошты воспринимается как победа политической «стабильности».

Крушение надежд

В случае Кастилии и Леона тоже состоялись досрочные выборы, но из-за распада коалиции между НП и либералами "Сьюдаданос": лидер народников Пабло Касадо стремился к личному реваншу против Санчеса и против соперников справа из собственной партии.

El Mundo, правая газета из Мадрида, без колебаний назвала первое место, полученное председателем регионального отделения НП Альфонсо Маньюэко (Саламанка, 1965), «пирровой победой», потому что в результате «НП попадает руки "Вокс"». После разгрома "Сьюдаданос", которая осталась с одним депутатом, "Вокс", поднимаясь с 1 до 13 мест, получает «ключи» от возможной правой коалиции, претендуя, таким образом, как минимум на пост «вице-президента». Для партии бывшего члена НП Сантьяго Абаскаля это стало бы первым вхождением в региональное правительство испанского автономного государства, и против этого варианта выступает значительная часть НП, предпочитающая искать соглашение с ИСРП и другими образованиями.

Регион является одним из крупнейших в Европе, по площади он больше, чем вся Португалия, и имеет одну из самых низких плотностей населения. Занимая почти пятую часть площади страны, он насчитывает всего 2,4 миллиона жителей, что составляет одну двадцатую часть населения Испании. Исторически здесь также располагался важный район добычи угля. Сегодня регион считается воплощением тех слоёв населения, которые боятся потерять больше всех в результате реструктуризации энергетики, которые, будучи жителями «пустой Испании», особенно чувствительны к росту цен на топливо и коммунальные услуги.

Некоторые провинциальные образования, включая Soria Ya ("Сория сейчас"), которая связана с платформой "Пустая Испания" и получила 43% голосов в одноименной провинции, повторили успех арагонской Teruel Existe ("Теруэль существует") в ущерб традиционным партиям и "Подемос". Это перечеркнуло не только надежды социалистов на реванш на досрочных выборах, затеянных НП, но и мечты Касадо пошпынить президента Мадрида Исабель Аюсо своей победой. Именно подъём "Вокс", зафиксированный опросами, заставил Маньюэко прибегнуть к помощи Аюсо в избирательной кампании, чтобы остановить утечку голосов.

Д'Ондт и иберийский парламентский кретинизм

Избирательная система, разработанная бельгийцем Д'Ондтом и используемая в Испании, позволяет в самых ма-

леньких избирательных округах путём перераспределения нескольких тысяч голосов усиливать результаты небольших местных организаций, влияя на баланс между основными силами и подчёркивая территориальную диалектику.

При утверждении парламентом трудовой реформы, внесённой за месяц до этого Советом министров, решающую роль сыграли именно мелкие местные партии, продемонстрировав разрушительный потенциал политической фрагментации.

Министр труда Иоланда Диас (КПИ) достигла соглашения с государственными профсоюзами и СЕОЕ, главной конфедерацией предпринимателей, о внесении некоторых изменений в предыдущую реформу народника¹ Рахоя (2012). Но традиционные партнёры, баски из Баскской национальной партии (БНП) и каталонцы из партии Левые республиканцы Каталонии (ЛРК), считая их по разным причинам несостоятельными, отказались от поддержки. Затем Санчес прибег к тактике переменной геометрии, заручившись поддержкой "Сьюдаданос" и большого числа партий, включая Народный союз Наварры, существующий с переходного периода и традиционно более связанный с НП.

Политическая цель реформы заключалась также в том, чтобы выполнить директивы из Брюсселя, куда НП направляет постоянные жалобы на территориальное распределение фондов NGEU; поэтому поражение было бы для Санчеса рогом быка, от которого следовало увернуться. Но когда дело дошло до голосования, два наваррских депутата вероломно вонзили свои бандерильи в спину правительства и проголосовали "нет" вместе с НП. Объявляя о поражении, председатель Конгресса оправдывался: реформа прошла только потому, что один из народников, голосуя онлайн из дома, допустил ошибку, а по испанским законам её нельзя исправить.

Поскольку правительство было спасено всего одним голосом, поддержка, оказанная единственным депутатом "Теруэль существует", также должна считаться решающей. Стоит подумать о том, чем мог бы обернуться для правительства четвёртой страны ЕС потенциальный кризис, который развернулся бы из-за наложения внутренних распрей и соперничества, в условиях сложного урегулирования украинского кризиса, всё ещё восстанавливающихся отношений с Марокко и неуверенного восстановления экономики, затруднённого высокой инфляцией. Воистину, для испанского парламентского кретинизма не существует границ.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В ПОРТУГАЛИИ

Голоса в тысячах, % от избирателей	январь 2022		октябрь 2019		разн. 22-19
	голоса	% места ¹	голоса	% места ¹	
Избиратели	9.298	100	9.344	100	226 - 46
Не пришедшие, недействительные	5.501	59	5.311	57	+ 190
Социалистическая партия (СП)	2.247	24	1.867	20	106 + 380
Социал-демократическая партия (СДП) ²	1.578	17	1.421	15	77 + 157
"Шега"	386	4	12	66	1 + 320
Либеральная инициатива (ЛИ)	268	3	8	66	1 + 202
Левый блок	240	3	5	493	5 19 - 253
Компартия (КПП) + "Зелёные"	237	3	6	329	4 12 - 92
Социально-демократический центр (СДЦ)	87	1	0	216	2 5 - 129
Люди, Животные и Природа (PAN)	82	1	1	167	2 4 - 85
"Свободный" (LIVRE)	69	1	1	56	1 1 + 13
Левые центристы + правые центристы ³	4.331	47	203	3.792	41 194 + 539

Примечания: 1) ещё 4 места избираются в зарубежном избирательном округе, 2 для СП и 2 для СДП; 2) включает местные коалиции СДП; 3) СП+СДП+ЛИ+СДЦ+PAN+LIVRE.

Источник: Министерство внутренних дел Португалии, без учёта избирателей за рубежом.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЫБОРЫ В КАСТИЛИИ И ЛЕОНЕ

Голоса в тысячах, % от избирателей	февраль 2022			май 2019			разн. 22-19
	голоса	%	места	голоса	%	места	
Избиратели	1.921	100	81	2.115	100	81	- 194
Не пришедшие, недействительные	728	38		752	36		- 24
Народная партия (НП)	379	20	31	434	21	29	- 55
ИСРП	362	19	28	480	23	35	- 118
"Вокс"	213	11	13	76	4	1	+ 137
Народный союз Леона (НСЛ)	52	3	3	28	1	1	+ 24
"Сория сейчас" (СС)	18	1	3	-	-	-	-
"Подемос" – Объединённые левые (IU) – Зелёный альянс (AV) ¹	61	3	1	100	5	2	- 39
"Сьюдаданос" (Сс)	54	3	1	206	10	12	- 152
"Для Авилы" (ДА)	14	1	1	9	0	1	+ 5
Левые центристы + правые центристы ²	880	46	67	1.157	55	78	- 277

Примечания: 1) "Подемос" и IU разделились в 2019 году;

2) НП+СДП+НСЛ+СС+Сс+ДА.

Источник: Хунта де Кастилья-и-Леон (99,32% проголосовавших).

Февраль 2022 г.

1 - Имеется в виду члена НП.

Большая и малая геополитика в Мадриде

Единство и раскол империализма всегда являются неразрывными сторонами одного и того же процесса, в котором преобладает то один, то другой момент. Экономические последствия войны на Украине, а также санкции и репрессии с обеих сторон, вызвали дискуссию о «декаплинге» Запада от российского рынка, в частности на фронте энергоресурсов. Несмотря на это, проект REPowerEU, ответный пакет мер ЕС на чрезвычайную энергетическую ситуацию, на первых порах предполагает лишь существенное сокращение этой зависимости. Пока в украинских городах чередовались сцены разрушений и смертей, основные газопроводы, тянущиеся от российских месторождений к промышленному сердцу европейского империализма, которые были построены за десятилетия терпеливой «восточной политики» Берлина, остались нетронутыми.

В качестве альтернативного газового хаба себя предлагает расположенный на противоположном краю Европы Пиренейский полуостров.

Пространство и время для «южной политики»

Его регазификационные установки получают газ из Северного моря, Атлантики и Средиземноморья, где также проходят два газопровода. Однако новая европейская «южная политика», которая укрепляет эти структурные связи, в любом случае должна будет принять ряд технических, экономических, политических и социальных решений – сомнительных и потенциально противоречивых. Это дилеммы геополитики Мадрида, где преимуществу фактора пространства, то есть географии, должны также иметь дело с противоречиями фактора времени, то есть темпами капиталистического развития и кризисов в различных областях.

Магриб и Сахель могут предложить нефть и газ – не только из-за их географической близости, но и по причине десятилетий неравномерного развития, которые создали группы капитала, инфраструктуру и заводы по добыче и транспортировке углеводородов. Мощность регазификации в Испании и Португалии, составляющие 30 % от мощности ЕС, развивалась в основном с 1980-х годов. Газопровод Магриб–Европа, в настоящее время закрытый из-за неразрешённого конфликта между Алжиром и Марокко, был запущен в 90-х годах, а в следующем десятилетии был открыт газопровод Медгаз, соединивший Алжир напрямую с Испанией. Остаются некоторые нетривиальные препятствия, такие как логистические связи между Пиренейским полуостровом и остальной частью континента (см. вставку).

Продовольственный шок

Кроме того, необходимо учитывать, что наряду с энергетическим шоком возникает угроза нового продовольственного шока: в ходе кризиса 2008 года мы уже видели, насколько уязвима Северная Африка в этом отношении, потому что она больше зависит от внешней торговли.

Согласно оценкам Департамента сельского хозяйства США, Россия и Украина обеспечивают четверть мировой торговли пшеницей, 80 % – подсолнечным маслом и 20 % – кукурузой. По оценкам *The Economist*, нынешний конфликт связан с «одним из самых серьёзных перебоев со снабжением зерна

после первой мировой войны»: отмечает, в частности, что «хлеб является главным источником калорий для миллионов арабов, а потому потенциально взрывоопасным политическим вопросом». Фрэнсис Гиле в мартовской международной заметке мозгового центра из Барселоны CIDOB отмечает: «Итак, после газа грозит «вепонизация» еды – она может быть использована как оружие – в некой стратегической игре».

Пока *El Economista* предупреждает, что в Испании «война [уже] затрагивает карманы потребителей» и что некоторые отрасли останавливают производство из-за роста цен и сокращения предложения различных сырьевых материалов, *The Economist* подчёркивает, что «в Рабате, столице Марокко, по улицам маршируют специальные отряды полиции, применяющиеся для подавления массовых беспорядков». В конце февраля *El País* сообщила об ограблениях мясных и овощных лавок на севере столицы в 11-ю годовщину «арабской весны» в стране, «мало привыкшей к таким сценам».

В Египте же, согласно *Le Monde*, до сих пор жива память о «хлебных бунтах» 1977 года и турбулентном падении режима Хосни Мубарака (2011). «Крупнейший импортёр пшеницы в мире», на 86 % из России и Украины, заблокировал экспорт различных продовольственных продуктов, но также сократил количество субсидируемого хлеба, который обеспечивал потребности более 70 из 100 млн жителей, несмотря на то, что власти «неоднократно отказывались это делать перед лицом гнева площади».

Также от скачка цен пострадал южноамериканский континент, но в иной степени. Мы находим там важные запасы углеводородов, металлы, необходимые для энергоперехода, но также большое разнообразие сельскохозяйственного сырья, начиная с пшеницы.

Латиноамериканская сторона

В Аргентине *Clarín* выражает обеспокоенность в связи с тем, что Россия является рынком сбыта для её сельхозтехники, а также для мяса, молочных продуктов и фруктов. С другой стороны, газета публикует заявление Алонсо Феррандо, аргентинского аграрного менеджера в России: «Повышение цен на пшеницу – это возможность для Аргентины, седьмого экспортёра в мире, – но я не люблю говорить так, потому что это связано с несчастьем».

Бразилия – ещё один агропромышленный гигант, который мог бы выиграть от «несчастья», но *Folha* напоминает, что Бразилия, как и Буэнос-Айрес, сильно зависит от России в отношении удобрений, «святого дела» – говоря словами Жаира Болсонару.

Даже Каракасу Вашингтон предлагает возможность договориться об ослаблении санкций, чтобы экспортировать больше нефти: Энрик Хулиана, замредактора *La Vanguardia*, отмечает, что «даже если это будет такое краткое и обратимое перемирие, оно будет иметь экономические и энергетические последствия». Например, «испанские НПЗ смогут импортировать венесуэльскую нефть», но не только.

Действительно, REPowerEU заложила бы «основы единой европейской энергетической политики, до сих пор отсутствовавшей». Возникает вопрос, сможет ли Мадрид действительно эффективно функционировать, как это предполагается, в качестве стра-

400, 150, 50

«Статистический обзор ВР» сообщает, что международная торговля газом достигла объёма примерно в 1.000 млрд куб. м, увеличившись на треть за последнее десятилетие и вдвое – за последние двадцать лет. По данным МЭА (Международное энергетическое агентство) в 2021 году ЕС потребил почти 400 млрд куб. м и импортировал около 350, из которых 150 – из России.

С учетом регазификационных мощностей Испании (60 млрд куб. м) и Португалии (10 млрд куб. м), а также пропускной способности газопроводов (около 20 млрд куб. м, с возможностью расширения до 25), и за вычетом газа, потребляемого двумя странами, остаётся почти 50 млрд куб. м, которые могут быть экспортированы на континент. Таким образом, один только пиренейский газовый хаб способен снизить зависимость от России на треть. Но проблема в том, что единственное сообщение с остальным континентом, проходящую через Страну Басков, имеет пропускную способность всего 7 млрд куб. м. Как передать остальное?

В ноябре 2013 года мы приводили мнение представителя Трансадриатического газопровода, отражённое в документе Института международных отношений: «Газопроводы состоят на 90 % из политики и на 10 % из стали». Сегодня восстановление проекта газопровода Midcat (7,5 млрд куб. м) из Каталонии в Южную Францию является частичным решением, но приняв во внимание общественный запрос, его можно будет использовать также для транспортировки «зелёного водорода». Французские власти заблокировали этот проект три года назад и, по словам Гиле, «главным препятствием является лобби, защищающее атомную индустрию». Ожидается, что оба представителя окажутся за столом переговоров о новом REPowerEU.

Основные потоки газа в ЕС и потенциал Пиренейского полуострова (в млрд куб. м в год)

ны-моста между Европой и Южной Америкой, а также Северной Африкой.

Малая испанская геополитика

Перспективы обретения «значимости в реорганизации европейского порядка» останутся диалектически связанными со способностью Мадрида компенсировать, хотя бы частично, собственные дисбалансы, представляющие собой малую геополитику испанского регионализма. Резкая смена руководства Народной партии (НП), главной оппозиционной партии, подало явно противоречивые сигналы.

Столкновение между лидером партии Пабло Касадо и главой региона Мадрида Изабель Диас Аюсо ускорило кризис партии. Внутреннее расследование НП об откатах, присвоенных братом Аюсо в обмен на местные контракты при закупке масок во время пандемии, вместо того, чтобы потопить народницу из Мадрида, стало ударом по лидерству Касадо. В Мадриде 3.000 манифестантов собрались у национальной штаб-квартиры партии по улице Генуи, 13, чтобы защитить Аюсо и потребовать отставки Касадо.

В Сантьяго де Компостела, однако, президент Галисии Альберто Нуньес Фейхоо готовился устранить разногласия между течениями и региональными фракциями в партии. Чрезвычайный

съезд НП в начале апреля предсказуемо назначит его новым лидером партии.

Его центристская линия прямо заявляет об открытости для государственного соглашения с ИСРП, а также об уменьшении централизации региональных автономий. Как ни парадоксально, но этот же принцип в крупном аграрном регионе Кастилии-Леон позволил избежать вмешательства в формировании первой коалиции НП–«Вокс». Испанские правые популисты, известные своей прорусской позицией, воспользовались удобным случаем, чтобы без лишнего шума принять «дело Киева», но готовятся разогреть площади жёлтыми жилетами, взволнованными инфляцией.

«Вокс» впервые находится в правительстве, и поляк Дональд Туск, лидер Европейской народной партии, надеется, что это не «тенденция в испанской политике». Малая геополитика Мадрида не может игнорировать большую геополитику Брюсселя.

ся частичным решением, но приняв во внимание общественный запрос, его можно будет использовать также для транспортировки «зелёного водорода». Французские власти заблокировали этот проект три года назад и, по словам Гиле, «главным препятствием является лобби, защищающее атомную индустрию».

Неприхотливое иберийское равновесие

Энрик Хулиана, заместитель редактора каталонской *La Vanguardia*, в своей книге «Неприхотливая Испания, ландшафты после режима строгой экономии», изданной в разгар кризиса предыдущего десятилетия, описал возникновение напряжённости, которая дала жизнь тому, что мы определили как *новый политический цикл*. Тогда он ощутил нехватку в испанской панораме «джентльмена Верде Габбано». Это псевдоним Дона Диего де Миранда, персонажа, которого создал Сервантес в противовес безумному *идальго «рыцаря печального образа»*, иначе Дон Кихота, который преобразится как в традиции и психологии «касты» правых, так и в «утопизме» левых.

Во второй книге приключений *Дон Кихота* Сервантес представляет «современного *идальго с головой на месте, что предвещает наступление буржуазного порядка*». Его «простота, чувство меры, прагматизм» и прежде всего «неприхотливость» вновь сделали бы сегодня возможным то сближение позиций, которого недостаёт текущей карте политической, социальной и территориальной поляризации.

Путь Фейхоо

Альберто Нуньес Фейхоо (1961 года рождения, город Оренсе) подтвердил своё новое руководство в Народной Партии (НП) при более чем 98 % отдавших ему предпочтение членов и делегатов внеочередного съезда партии.

Он рассматривается в качестве умеренного «без идеологии», и утверждает, что голосовал за ИСПП Филипе Гонсалеса в 1982 году, и на последующие тринадцать лет стал президентом региональной *хунты* Галиции и на шестнадцать – председателем местной федерации НП. Народники выбрали этот новый центристский «путь» из Сантьяго-де-Компостела к председательству в правительстве, указанный экс-лидером Мариано Рахоем, тоже галисийцем, на осенней конференции НП, прошедшей именно в городе «паломников».

Руководство Фейхоо сменило команду Пабло Касадо и его верного оруженосца Теодора Гарсия Эхея, бывшего генерального секретаря, окончательно павшую после того, как она решила открыть клетку со львами Мадрида и бросить вызов председателю регионального правительства Изабель Аюсо, расследуя её контракты на маски во время пандемии.

Наряду с выраженным политическим «центризмом» с явным «европеистским и евроатлантическим» знаком, акцент Фейхоо должен был также делаться на локальную *автономию* и в то же время на уважение «единства», – как на государственном уровне, так и в собственной партии.

Галисия, крайний северо-запад иберийского полуострова, с менее чем 3 миллионами жителей представляет в современной Испании именно это равновесие. Она является одной из трёх главных исторических национальностей страны, как то Каталония и Страна Басков, но никогда не выступала выражением русла стремления к независимости, являясь в НП знаменосцем «галисизма» (галисийского партикуляризма), но также и политической наследни-

цей Франсиско Франко, который как раз был галисийцем.

Будучи сама по себе представительницей национального католицизма, из-за кафедрального собора, посвящённого Сантьяго, «убитого маврами» апостолу, она является символом христианской Реконксты на полуострове. В равной степени знаменитый «путь» паломников, отмечает историк Фернандо Гарсия де Кортасар («Пейзажи истории Испании», 2021), со Средневековья утвердился в качестве «хребта гуманитарной и экономической коммуникации между собой и остальной Европой». «Пейзаж – это история, он сохраняет отпечаток прошлого», и можно считать, что также и галисийская федерация НП, наиболее европеистская, сегодня сохраняет эти черты. Лидер европейской НП, поляк Дональд Туск, очень критичный в отношении коалиции между народниками и «Вокс» в аграрном регионе Кастилия-Леон, подтверждает это аплодисментами вступлению в должность Фейхоо, «серьёзного и уважаемого лидера».

Галисия является также местом нахождения некоторых крупных групп, таких как транснациональная текстильная Inditex, и в то же время доверенным лицом периферийной и «Пустой Испании».

Фейхоо и Санчес проходят проверку

Фейхоо может воплотить, по крайней мере идеально, всё это, и в своей высадке в Мадрид получает также наследие старого руководства, его сильные стороны, но и его внутренние споры, подвисшие коррупционные скандалы и сложные отношения с «Вокс».

El País опубликовала комментарий на следующий день после его вступления в должность: газета полагает, что переговоры с правительством социалиста Санчеса по поводу Плана ответа на войну в Украине – и о возобновлении работы Генерального совета судебной власти, блокируемой в течение трёх лет из-за невозможности найти соглашение между Касадо и Санчесом – «подвергают испытанию новый этап НП». В этом смысле имеет место тест и для Санчеса, который до сих пор удерживал на ногах коалицию с *Podemos*, поддерживаемую басками и каталонцами, используя в качестве клея жёсткую оппозицию Касадо, часто обусловленную конкуренцией с «Вокс».

Правительство находится в сложном положении, в котором к энергетическому шоку, последовавшему за пандемией, добавилось инфляционное давление, вызванное войной в Украине. В Испании повышение цен уже приближается к 10 % в годовом измерении, но в отношении продуктов питания уже достигает 30 % и электроэнергии – 100 %. В расчёт также должны быть приняты потенциальные последствия кризиса, открывшегося в отношениях с Алжиром, на сегодня её вторым поставщиком газа после США, разъярённым из-за «предательства» дела народа Сахары, которым Санчес закрыл кризис с Марокко.

Неясно, насколько Италия стремится капитализировать кризис в ущерб Испании, и, напротив, в какой степени Рим и Мадрид скоордини-

ровались в деликатном управлении североафриканским кризисом; но появление противоречия в энергетическом позиционировании иберийского полуострова в ЕС станет ещё одним испытательным полигоном отношений между правительством и оппозицией.

Иберийское исключение

Испания и Португалия позиционируют себя в качестве иберийского газового хаба, чтобы предоставить ЕС альтернативу российскому газу, благодаря своим предприятиям по регазификации; но в то же время они запросили и получили от Европейского Совета возможность воспользоваться механизмом энергетического ценообразования, отличным от общеевропейского.

Иберийцы сделали упор на слабую энергетическую связь с Севером, менее 3 %, и сокращение использования газа в производстве электроэнергии, массово инвестировав в «возобновляемые источники» энергии. Но «предельный» общеевропейский критерий увязывает цены на электроэнергию для всего рынка с ценами на наиболее дорогой источник, в данном случае газ, повышая риск социальной напряжённости.

В частности, Испания пережила месяц жёстких протестов, вызванных инфляцией, как со стороны работников автотранспорта, так и растениеводов и животноводов, которые, поддерживаемые также «Вокс», требовали помощи и мер против роста цен на энергию, топливо и корма. Проявления беспокойства уже привели их за стол переговоров.

Альянс Мадрида и Лиссабона договорился с Римом и Афинами о выдвижении требований новой системы для всего ЕС, «плана А», согласно реконструкции политического аналитика *El País* Карлоса Е. Куе. Но столкнувшись с сильным сопротивлением, в частности, Германии и Нидерландов, они обратились к «плану В: иберийское исключение», который так или иначе должен будет подвергнуться детальной проработке и быть представлен на экспертизу Брюсселя.

Министр энергетического перехода Тереза Рибера хочет зафиксировать потолок цен на газ в 30 евро за мегаватт/час – это примерно четверть от его цены в апреле, – но только для того, что используется для производства электричества. Однако она натывается на определённый скептицизм, если не враждебную оппозицию, этому предложению.

В *El Economista*, экономической газете, наиболее близкой к консервативным течениям, Хуан Карлос Арсе, учёный из Королевской академии юриспруденции и законодательства, отвечает на обвинение Риберы, согласное которой крупные испанские группы этого сектора «хотят пустить предложение под откос». Напротив, «не только испанские энергетические компании, но и европейские в целом, видят в этом иберийском предложении вред для рынка» и «открытие бреши» в «юридическом и экономическом европейском единстве». В полемической редакционной статье Хосе Мария Трипер добавляет, что план Риберы «являет собой фальсификацию дей-

ствительности, дабы избежать сокращения налогов».

Масштаб соглашения

Кабинет министров уже одобрил пакет на 16 млрд, из которых 10 млрд – кредитные гарантии и 6 млрд – помощь и налоговые льготы. Но дополнительное снижение налогов стало бы тем решением, за которое ухватился Фейхоо.

Во время их первой встречи в Монклоа, резиденции председателя правительства, Санчес представил Фейхоо 11 пунктов для переговоров, не забывая при этом о необходимости выставить санитарный кордон против «Вокс», которая только что вошла в своё первое региональное правительство благодаря НП.

Фейхоо усмотрел пределы соглашения примерно в половине предложений, но, выставляя напоказ общеизвестное галисийское умение *пойти на попятную*, искусство переговоров, оставил достаточно двусмысленности, чтобы не было ясно, поднимается он или спускается по лестнице потенциального соглашения. Как бы то ни было, он считает недостаточной экономическую главу, и требуется добавить «фискальный жест».

Несмотря на различия, идея правительства о строительстве широкого парламентского большинства для «пакта о доходах» должна привлечь также и внимание правой. Фактически речь идёт о склонении профсоюзов к согласованию позиций для недопущения того, чтобы заработные платы последовали за инфляционной эскалацией и, следовательно, реально сокращались, амортизируя таким образом часть цены кризиса, перекладывая её на наёмных работников.

Новые ландшафты

Как частичный итог, авантюристы первого тайма *нового политического цикла* в значительной части сошли со сцены: Пабло Иглесиас (1978, Мадрид, бывший лидер «Подemos»), Альберт Ривера (1979, Барселона, бывший лидер «Сьюдаданос»), Пабло Касадо (1981, Паленсия), и даже каталонский индентистский процесс испытывает свой собственный отлив.

Мадрид сейчас ищет равновесие в том числе чтобы представить себя Брюсселю более стабильным, что всё более необходимо. В европейских кругах обсуждается не только «военная экономика», но вновь циркулирует идея и усиленной военной кооперации между четырьмя первыми экономиками ЕС. В версии итальянского геополитического журнала *Limes*, «западно-европейский *Quad* или *Евро-Quad*», образованный Германией, Францией, Италией и Испанией, «плюс второстепенные партнёры», мог бы испытать себя именно в Северной Африке и Сахеле, «поясе стран, куда вновь проникла Москва». Это трудный для достижения горизонт без двухпартийного соглашения, хотя бы умеренного.

Поэтому необходимо проверить, обратятся ли протагонисты нового испанского политического ландшафта к духу *джентльмена Верде Габбано*, чтобы открыть *второй тайм нового политического цикла*, или запутаются в пандемическом и энергетическом шоке и войне, копируя отпечаток старого пейзажа и вновь оказавшись в тени *рыцаря печального образа*.

Испания, Европа и война

Идея об укреплении военного сотрудничества между Берлином, Парижем, Римом и другими европейскими столицами ищет себе место как на федеральном, так и межправительственном уровнях. В обоих случаях присоединение Мадрида повлекло бы за собой значительную европеизацию его средиземноморской политики: в обмен на дополнительные гарантии в том числе с оглядкой на внутренние балансы Испании европейский империализм вполне воспользовался бы иберийской платформой.

За последний век военные события отложили глубокий отпечаток на испанский политический цикл, в этот раз своё влияние окажет война на Украине. Обратим внимание на ряд ключевых моментов.

Испания и войны

Испания не участвовала непосредственно в первой мировой войне, но столкнулась с целой серией шоков. Историк Мануэль Туньон де Лара (*"Historia del movimiento obrero español"*, Taurus, 1972) подчёркивает, что с конфликтом были связаны инфляция и рост безработицы. Тем не менее, как он замечает, значительная часть вождей рабочего движения посвящала «намного больше энергии сваре между «антантофилами» и «германофилами», то есть спору о том, какую империалистическую державу следовало поддерживать: Антанту или Тройственный союз, – вместо того, чтобы обращаться к «центральной проблеме: влияния войны на цены» и условия труда. Городские пролетарии устраивали массовые стачки в 1917-м, а потом в 1919-м, «году крупных социальных конфликтов», распалённых также «русской, немецкой, венгерской революциями [и] созданием Третьего Интернационала».

Добавлялись последствия пандемии «испанского гриппа» (1918) и отголоски военного поражения от Марокко, «катастрофы при Анвале» (1919), которым обернулась попытка соперничать с Францией в колониальной экспансии в Африке. По мнению историка Даниэля Масиаса Фернандеса (*"A cien años de Annual"*, Desperta Ferro, 2021), это поражение имело серию политических последствий, начиная с переворота Примо де Риверы, установившего его диктатуру (1923–1930), и заканчивая путчем 1936 года и началом гражданской войны, положившей конец Второй Республике (1931–1939), за которой последовала диктатура Франко (1939–1975). Долголетие франкистского режима можно связать с противоречивым нейтралитетом, которого придерживалась Испания во второй мировой войне.

Переходы и война

Инфляционная война нефтяного шока 1973 года, экономическая производная от войн на Среднем Востоке, затронула также Иберийский полуостров, где на тот момент разворачивался мощный цикл развития. На страницах нашей газеты отмечалось (*"Le lotte salariali nella Spagna fascista"*, Lotta Comunista, апрель 1975), что «зарплаты, и без того низкие», оказались «понижены из-за роста цен», который в 1973–1974 годы составил более 15%. «Следствием стала стихийная борьба за заработную плату, [...] движение, которое только из-за уровня участия в нём и его интенсивности поставило испанский рабочий класс на передовые позиции в мире».

Социальная ситуация, сопровождаемая движениями за независимость

в испанских колониях и процессом европейской интеграции, заставила затрещать государственные машины Мадрида и Лиссабона, вызвав переходы к демократии.

К моменту распада СССР, цезуры 1989–1991 годов и последовавшей цепи конфликтов в бывшей Югославии Иберийский полуостров присоединился к НАТО: Португалия была одной из стран-основательниц организации, а в Испании социалист Фелипе Гонсалес превратился в нового пророка испанского евроатлантизма.

Ирак и Аточа

С того момента Мадрид встал на извилистый путь адаптации к европейской системе, но не избавился от собственных атлантических рельс. Поворотным моментом стала война в Ираке, начатая США в 2003 году с целью опередить темпы объединения старушки Европы и империалистического созревания Китая.

Премьер-министр из Народной партии Хосе Мария Аснар активно выступал в поддержку Вашингтона, отдаляя Мадрид от Парижа и Берлина, но и не только. Во время подготовки Европейской конституции Аснар был близок к «британскому видению», то есть к «по сути интергосударственнистским» позициям, в противовес Франции и Германии. В Вашингтоне его причисляли к «евроамериканскому консервативному третьему пути» (*"L'Europa e la guerra"*, Ed. Lotta Comunista, 2003).

Кровавая трагедия терактов на железнодорожной станции Аточа в Мадриде в марте 2004 года, совершённых джихадистами, ускорила «внезапное выравнивание». Спустя несколько дней, однако, социалист Хосе Луис Родригес Сапатеро победил на выборах и пошёл снова на сближение с франко-немецкой осью в том, что касается и войны, и Конвента. Этот поворот нельзя редуцировать до чередования личных идеологических видений.

Таким образом мы характеризовали контекст в книге «Европа, Азия и кризис» (Ed. Lotta Comunista, 2008): «Франция, Германия, Италия, Великобритания, Испания и Польша вместе обладают тремя четвертями населения и производства нового ЕС, расширенного на славянский мир. Никто из них самостоятельно не в состоянии больше противостоять призраку европейского упадка сейчас, когда он обрёл конкретный образ в восходящей Азии. Но любое будущее развитие пройдет через динамику шести национальных циклов в рамках европейского политического цикла»¹.

Сапатеро занял более критическую позицию с поправкой на атлантизм и фискальную политику, разбалансированную кризисом 2008 года, но вместе с Ангелой Меркель, Николя Саркози, Романо Проди и Жан-Клодом Юнкером оказался в «европейском центре тяжести», а именно в Еврогруппе, «где на тот момент Лондон и Варшава не присутствовали». Так же и сегодня.

Иберийское исключение

Если в случае Варшавы череда войн и относительный миграционный шок, вызванный «арабской весной», укрепили течения брекзитёров и евроскептиков, правительство Мариано Рахоя (НП, 2011–2018) в Мадриде можно считать образцовым учеником общеевропейской политики строгости, ведь Испания не была непосредственно затронута тогдашними событиями и волной

беженцев. Если Гонсалес критиковал Рахоя за скромный интерес к международной политике, последний мог бы себе позволить ответить: «*Меня интересует Сория*, – сельскохозяйственная провинция – символ «Пустой Испании», – *a ne Сирия*» (Enric Juliana e Pablo Iglesias, *"Nudo España"*, Arpa, 2018).

На тот момент рассуждали об «иберийском исключении». Однако соглашение ЕС с Турцией и Рима с Ливией заточили в тюрьмы миллионы беженцев, перекрыли некоторые миграционные маршруты и таким образом перенаправили потоки людей в Западное Средиземноморье. Здесь с точки зрения внутреннего политического цикла «исключение» закончилось: на подъёме оказались новые ксенофобские крайние правые партии – сначала в Испании («Вокс»), затем в Португалии («Шера»).

Санчес и война

Правительства социалистов Педро Санчеса в Мадриде и Антониу Кошты в Лиссабоне, тем не менее, выдержали, так же как выдержал европеистский консенсус в обоих парламентах. Санчес развернул знамя федералистского европеизма, а рядом знамя атлантизма, что исходит из его опыта работы с ООН в Сараево в конце 90-х годов; он вдохновлялся Биллом Клинтонем, тогдашним американским президентом, полным решимости «работать в интересах мира в Европе» (Pedro Sánchez, *"Manuel de Resistencia"*, Ed. Península, 2019). Это совсем не отменяет влияние иберийского нарушения равновесия и возможность новых глубоких политических кризисов.

Санчес согласился на увеличение военного бюджета до 2 % ВВП и на размещение дополнительных контингентов в рамках НАТО в Чёрном море и в странах, соседствующих с Украиной; тем не менее, он не стал торопить Германию, чтобы та изменила свою Ostpolitik, особенно что касается её энергетического компонента. Совместно с Португалией он предложил Иберийский полуостров в качестве альтернативного энергетического хаба, сокращая импорт из Алжира одновременно с увеличением покупки сжиженного газа у США.

Максималистская левая «Подemos» нерешительно сопротивлялась отправке оружия Киеву, а локалистские партии аплодировали украинскому президенту Зеленскому. Последний в речи перед испанским парламентом объявил о праве на самооборону, вспомнив сопротивление Второй Республики в годы Гражданской войны и проведя параллели между нацифашистскими бомбардировками баскского города Герника и российскими обстрелами Мариуполя.

Экономические последствия войны для Испании ускорили инфляцию почти до 10 %, что фактически сократило зарплаты и перспективы постпандемического восстановления; на данный момент, однако, уровень конфликтности на рынке труда остаётся низким. В целом, европейские столицы не могут не переживать из-за продовольственного шока и его возможных последствий на Среднем Востоке и в Северной Африке, где многие страны крайне зависят от зерна, которое загружают на корабли в портах Чёрного моря.

Санчес и Пегас

В то же время, испанский парламентаризм продолжил разыгрывать симулякры трагедии, которые встряхивают коалицию ИСРП и «Унидас Подemos», поддержанную многими партиями. В

мае одна американская газета поделилась слухами о шпионаже за телефонами индпендентистских политиков, прежде всего каталонских, с помощью израильского софта Pegasus. Это поставило под вопрос успех голосования за 16-миллиардный пакет по компенсации последствий войны – в последний момент его спасли баски из Bildu.

Конгресс позволил индпендентистам войти в комиссию по государственным секретам, чтобы прояснить, что речь шла о расследованиях, разрешённых Верховным судом; одновременно правительство сообщило, что шпионили и за телефонами Санчеса и других министров, предположительно нелегально. Большинство аналитиков выдвигают тезис, что это могли быть проникновения со стороны Марокко, учитывая открывшийся в 2021 году кризис между Мадридом и Рабатом. После этих последних откровений глава испанской разведки была «отправлена в отставку» или «заменена», в разных версиях по-разному, но многие указывают на удобное «совпадение», чтобы умиротворить каталонцев. Фернандо Онега, глашатай наиболее европеистских течений в НП, не исключает злого умысла со стороны Санчеса с целью избежать нового кризиса, но видит в этой ситуации также очередное проявление «бараки» премьера, как в арабской мифологии называют божественное благословение; такую удачу приписывают Эль Сиду Кампеадору в его битвах. Онега считает, однако, что кризис не будет иметь более серьёзных последствий.

Каталонская газета *La Vanguardia* настроена критически и замечает, что в свете этого провала кибер-безопасности Испания «демонстрирует свои слабости менее чем за два месяца до саммита НАТО в Мадриде», где Атлантический альянс должен будет представить новую «Стратегическую концепцию». Саммит пройдёт через десять дней после выборов в Андалусии, крупном сельскохозяйственном регионе Юга, соседке Магриба, где располагаются военные базы под совместным испано-американским управлением. Именно там «Вокс» имела свой первый успех.

Май 2022 г.

1 – Бюллетень «Интернационалист» № 33. Август 2004 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.